

АМАЛИЯ МАРТ

Что будет, если
влюбиться
в собственного
босса-тирана?

9 МЕСЯЦЕВ
go
КАТАСТРОФЫ

16+

Амалия Март

Девять месяцев до катастрофы

Серия «Ты попала!», книга 2

<https://litres.ru/73950394>

SelfPub; 2026

Аннотация

Знаете, что такое настоящая катастрофа?

Всю жизнь считать себя умной и самодостаточной и попасться в ловушку служебного романа. Завести тайные отношения с собственным боссом-тираном. Влюбиться в него, как дурочка. Испугаться собственных чувств. Залететь.

Порядок действий не важен. Важно то, что до настоящей катастрофы осталось... 9 месяцев.

- язва героиня
- плохой хороший мужик
- маленькая катастрофа

Содержание

Пролог. 9 месяцев до катастрофы	4
Глава 1. 33 месяца до катастрофы	8
Глава 2.	14
Глава 3. 26 месяцев до катастрофы	21
Глава 4. 18 месяцев до катастрофы	31
Глава 5. 12 месяцев до катастрофы	42
Глава 6. 9 месяцев до катастрофы	64
Глава 7.	78
Глава 8.	85
Глава 9.	96
Гл	127
Конец ознакомительного фрагмента.	128

Девять месяцев до катастрофы

Пролог. 9 месяцев до катастрофы

На будущее: это была плохая идея.

Во мне плещется два бокала шампанского и три виноградинки.

Дурацкие виноградинки.

Я, конечно, во всем виню их.

И в том, что я замерла в минутной тишине, раскаленной словно воздух перед грозой. И в том, что даже не испугалась, когда человек напротив сделал ко мне решительный шаг, сменяя всю зону комфорта, словно фантик от съеденной конфеты. И особенно в том, что ни грамма не сопротивлялась, когда властная мужская рука сжала мой затылок, а требовательный рот накрыл мой собственный.

Это был тот самый финал фильма ужасов: сердце подскакивает к горлу и барабанит там, обезумевшее от адреналина. Внутренности скручивает узлом, а ладони потеют. Но стоит понять, что опасности никакой нет, напряжение с тела уходит, в кровь выплескивается дофамин и все ощущения обостряются, вытравливая из головы любые мысли.

Кроме одной: да. Это хорошо.

Рука, крепко фиксирующая шею – хорошо. Топкий жар языка, прокатывающийся по моему – хорошо. Рваный мужской выдох, опаляющий щеку – хорошо. Очень, очень хорошо.

Я судорожно пытаюсь втянуть воздух, потому что, каюсь, забыла, что нужно дышать. Об этом напомнил лишь горьковатый привкус на языке, след дурной привычки человека, сминающего мой рот в требовательной потребности. Руки сами собой взлетают вверх, чтобы опуститься на мужские плечи в поисках опоры. Горячие и крепкие, как скала. Сносящее с ног ощущение.

Еще. Хочу еще.

Но мое нечаянное касание вызывает обратный эффект: мой начальник, человек, доводящий меня до истерики по расписанию, тот, чье имя я даже боюсь называть вслух, чтобы ненароком не проклясть – отстраняется. И две затягивающие бездны – его глаза-хамелеоны – впиваются в мои.

Секунды растягиваются в долгое нечто.

Кажется, каждый из нас пытается осознать, что же сейчас произошло. Но лично моя голова девственно пуста. Впервые за очень долгое время.

Мужская ладонь, еще пахнущая дымом недавней сигареты, взмывает вверх, чтобы очертить пальцами линию скулы, подбородка, коснуться уголка губ. Мой рот распаивается, выпуская скопившееся напряжение с легким выдохом. Гла-

за-бездны впитывают это мимолетное движение, чтобы через секунду вновь пронзить мои собственные до самой пиковой точки. Низ живота тяжелеет. Мужской кадык дергается, словно от обезвоживания. Я завидую ему, сама не в силах сглотнуть.

Томление достигает такого уровня, что воздух вокруг звенит. Нервы лопаются, словно пронзенные выпущенной стрелой. Меня примагничивает к мужскому телу – это я делаю смелый шаг, пока голова не успела очнуться. Мне это нужно. Тело кричит, а дурацкое шампанское разбавило мозги до жидкой каши.

– Уверена? – уже у самого рта, интересуется низкий вибрирующий на поверхности кожи голос.

Но вместо ответа – лишь мой поцелуй.

Я смело нахожу мужской рот, выгибаю спину, царапаю плечи. Меня неконтролируемо трясет. Подбрасывает вверх, чтобы потом опустить на холодное и жесткое. «Это стол» – проносится на краю сознания. Сзади в бедро что-то впивается, может ручка. Ну и черт с ней. Между колен вклинивается крепкое тело, сильные руки властно сжимают талию, а уже через секунду бродят по бедрам, задирают юбку, чтобы удобнее устроиться, встать ближе, впаять мое тело в свое до полного растворения. Горячие пальцы удивительно ловко пробираются под белую блузку, сжимают грудь, ныряют за гладкую ткань белья.

Лихорадка распространяется с дикой скоростью, сжи-

гая легкие, горло, каждый миллиметр чувствительной кожи. Огромный кабинет генерального заполняют наши громкие вдохи и выдохи.

Единственная мысль, скорым поездом проносящаяся в голове: это совсем не я. Грязная, жадная и порочная. Но, боже, как же мне этого хочется. Я не в силах притормозить.

Всего вокруг становится больше: звуков, жара, вкуса во рту. Меня снова подбрасывает вверх, переворачивает в уверенных мужских руках и вот я уже впиваюсь взглядом в компьютер начальника, живот пронзает холодом столешницы, угол стола впивается в тазовые косточки. Бедра обдувает прохладой: плотная ткань юбки бесстыдно ползет вверх.

Немыслимо. Мы делаем это.

С собственным боссом.

Катастрофа.

Глава 1. 33 месяца до катастрофы

– Присаживайтесь, – по огромному кабинету прокатывается зычный мужской голос, вызывая легкий мандраж.

Я дошла до второго этапа собеседования с непосредственным руководителем и это немного пугает. Раньше я так далеко не заходила.

Мужчина за столом не поднимает головы, активно чёркая что-то в своем ежедневнике. Его спина прямая, как палка, а сильные мужские пальцы быстро и рвано выводят какие-то закорючки. Энергетика, которую он источает, сбивает у порога. И будь я чуть менее голодной, наверное, трусливо убежала. Работать на такого человека – явно не то, о чем мечтают вчерашние студентки. Но я уже здесь, у меня на руках красный диплом, а в черепной коробке неплохие мозги, я справлюсь.

Задираю подбородок, расправляя согнувшиеся под страхом плечи, и уверенно шагаю вглубь кабинет. Возле длинного директорского стола выбираю самый ближайший к руководителю стул и, присев, замираю.

В тишине, разрываемой только росчерками ручки по бумаге, проходит несколько злосчастных минут. Это заставляет еще больше переживать. Когда бросаешься в омут с головой как-то забываешь понервничать, а эта отсроченная бесе-

да похожа на медленную пытку.

Наконец, мужчина в кресле руководителя откладывает ручку и поднимает на меня взгляд.

Пожалуй, я никогда еще не встречала таких глаз: пугающих бездной и засасывающих до трясущихся поджилок. Сейчас они кажутся совершенно черными, хотя уверена, у человека с его цветотипом таких глаз быть не может. Уж больно они контрастируют с мягкими пшеничными волосами и едва пробивающейся светлой щетиной.

Именно так и должны выглядеть киношные злодеи.

Но со своими страхами я привыкла бороться.

– Резюме, – низко рокочет он.

Я, как загипнотизированная, протягиваю ему бумажку, зажатую в руках. Он берет листок, разворачивает к себе и начинает читать.

– София... – начинает он с имени.

– Софья, – исправляю я.

Глаза-бездны снова поднимаются на меня. Вопросительно.

– София – церковный вариант имени Софья, а моя мама была атеисткой, – объясняю я. – К тому же, это чисто русская вариация с ударением на «О», нигде в мире так больше не произносится. И мне это нравится.

Выдаю и замолкаю. Наверное, это не самое лучшее качество для будущего сотрудника – неумение вовремя остановить свой рот. Но непримиримой в деталях меня сделала все

та же мама, со своим специфическим подходом к воспитанию. И язвой тоже, но этот грешок я, пожалуй, попридержу.

– Что ж, Софья, опыта работы у вас нет, – возвращая взгляд к резюме, продолжает большой начальник.

И это был не вопрос, так что я на него и не отвечаю.

– Отличница, – хмыкает он, дойдя до пункта «особые знания и умения».

Нужно же было что-то написать. А красный диплом на данный момент – единственный повод для гордости. Я вложила в него много времени, сил и нервов. Это достижение должно красоваться в резюме.

– Почему же решили пойти в секретари?

Потому что больше никуда не берут?

– Это прекрасный старт для человека без опыта, – говорю заученно.

– То есть вы не собираетесь проработать здесь долго? – опять впивается в меня этими своими пугающими глазами.

– Я собираюсь получить от этого опыта максимум и закрепиться в компании. Но вечно быть секретарем, наверное, не сможет никто, – растягиваю губы в мягкой улыбке.

Или снисходительной.

Дурацкие вопросы меня уже давно не смущают.

– Что ж, раз у вас нет опыта работы, давайте просто пообщаемся, – откидывается на спинку офисного кресла начальник.

Я послушно киваю. Немного расслабившись от того, что

сносящей мозги энергетике становится меньше.

– У вас в детстве было домашнее животное? – заходит с неожиданного.

То есть мы не о моих сильных и слабых качествах будем беседовать? Зря готовилась.

– У меня была собака.

– Она была дрессирована? Знала команды?

К чему это он?

– Знала, – киваю утвердительно.

– Отлично, – вновь вытягивается в струну начальник. – Заставьте меня гавкнуть.

К неприятным характеристикам человека напротив прибавляется еще и хреновое чувство юмора. Или совсем нелегкое ебобо.

Все понятно, можно уходить.

– Давайте я лучше почешу вас за ушком, и вы замурлычете, – даю-таки язве зеленый свет. – Так проще, – растягивая губы в оскал, встаю с места. – Спасибо за уделенное время, я пойду.

Разворачиваюсь на выход и быстрым шагом иду к двери.

– Перед уходом зайдите к Лидии Сергеевне, – летит мне в спину равнодушное.

– Всего доброго.

Я аккуратно прикрываю за собой дверь кабинета и встречаюсь взглядом с эффектной блондинкой за высоким столом рецепции. Бросаю «до свидания» и ей и ухожу по длинному

коридору в сторону отдела кадров, откуда меня сегодня добрая женщина в возрасте и привела.

Официально: это было самое странное собеседование из всех, на которых я побывала.

Но можно выдохнуть от облегчения хотя бы потому, что все это быстро закончилось. А сегодня у меня назначено еще в одном месте. Там, конечно, место откровенно похуже, и добираться два с половиной часа, но жизнь не терпит слабаков, можно и в колл-центре поработать годик. Туда, говорят, берут вообще всех.

Я стучу в кабинет отдела кадров и, приоткрыв дверь, вежливо интересуюсь:

– Можно?

Та самая Лидия Сергеевна, что проводила первое ни столь уничижительное собеседование, разговаривает по стационарному телефону и просто машет мне, мол, заходи.

Я подхожу к ее столу и неловко топчусь, пока она одобрительно мычит в трубку: угу, да, поняла, хорошо.

– Садись, – предлагает мне по окончании разговора. – Вот список документов, – кладет передо мной небольшой листик. – Трудовую не надо, мы теперь электронные заводим, – вычеркивает ручкой один из пунктов, напечатанных на ней. – Военный билет тоже. Детей нет? – поднимает на меня глаза.

Я отрицательно машу головой, понимая, что, наверное, произошла ошибка. Может не все добираются до второго со-

беседования, и она заранее для себя решила, что все будет ок?

– Но я не прошла собеседование, – объясняю, отодвигая от себя листок.

– Как не прошла? Мне только что Юрий Константинович звонил, – удивляется Лидия Сергеевна. – Сказал оформлять.

К стрессу добавляет легкий шок.

Клоунада какая-то.

Ничего не понимаю, но за бумажкой со списком документов для оформления все же тянусь. Ладно, подумаю об этом сегодня вечером. Я же в любой момент могу отказаться, пока не подписаны документы.

– Испытательный срок – три месяца, оформляем с первого дня, рабочий день с 9:00, но по внутреннему распорядку на рабочем месте нужно быть за 10 минут до начала рабочего дня, – торопливо объясняет она, когда снова звонит телефон. – Завтра с документами сначала ко мне, – добавляет и берется за телефон. Меня благословляющим кивком головы отпускает.

Я, все еще не до конца осознавая, что только что произошло, выхожу на улицу.

Ладно, может непосредственный начальник и с легкой придурией, но любопытство все равно побеждает. К тому же, никаких более перспективных предложений на сегодняшний день нет, а аренда за комнату – есть.

Так что: чем черт не шутит?

Глава 2.

– Ну, котик, ты же мне обещал взять страшенькую!

Еще на подходе к приемной, где меня ожидает первый рабочий день-стажировка, я слышу приторно-сладкий женский голосок. Прерывать пикантную, судя по интонации, сцену не особо хочется, но рабочий день уже в разгаре и меня тут ждут. Так что без особого зазрения совести выглядываю из-за поворота, чтобы увидеть, как к моему новому начальнику жметесь эффектная блондинка. Всем своим эффектным великолепием.

Судя по всему, та самая, что вчера сидела за моим будущим рабочим столом.

Так вот, почему вакансия освободилась. Отношения перешли из сугубо рабочих в сильно горизонтальные. Это, конечно, не мое дело, но фу.

На работе. Босс и секретарша. Какое утрированное клише.

– Она едва школу закончила, думаешь, у меня есть притязания на малолеток?

Будущий начальник не стесняется не только в выражениях (что это еще за «малолетка»? Мне вообще-то двадцать три!), но и в проявлении чувств. Его широкая ладонь ложится на округлое бедро девушки и эмоционально его сжимает.

– Тогда зачем ты ее нанял? – в репертуаре блондинки появляются капризные нотки.

– Потому что она умная. И среди всего многообразия дешевых кадров – самая адекватная.

О, а вот это уже лестно. Значит, двух минут общения ему хватило, чтобы разглядеть главное. Умный мужик. Хоть и бабник. Нет, ну серьезно, с собственной секретаршей?

– Я просто ревную, котик, – снова заводит свою приторную шарманку девушка.

Господи, какая фальшь. Ну какой из этого холодного, как щука, мужика котик?

Из меня непроизвольно вырывается цоканье, да такое громкое, что участники интимной сцены тут же на меня обращиваются. Я экстренно маскирую не слишком вежливый звук в покашливание и расплываюсь в улыбке, словно не заметила их поспешное отклеивание друг от друга.

– Доброе утро! – здороваюсь, как приличная девочка.

– Доброе утро, – сухо отвечает начальник. – Юля, будь добра, покажи здесь все, – обращается уже к своей экс-секретарше, как я понимаю.

– Да, Юрий Константинович, – приторный голосок мгновенно преобразовывается в деловой.

Этому умению мне никогда не обучиться. Слишком гордая и недостаточно умная, очевидно.

Начальник скрывается за дверью своего кабинета, а Юля, не смотря на явную ко мне заблаговременную антипатию, бе-

рется вводить в курс дела. И чем больше она рассказывает про папки входящей и исходящей документации, штампы, расписание и иже с ним, тем больше я поражаюсь, как вообще такая девушка оказалась на таком месте. С такой внешностью, грамотно построенной речью и явным присутствием мозгов (что трудно было разглядеть в подсмотренной мной интимной сцене), она явно держалась здесь не за деньги. И понятно, что привлекло в ней начальника.

Мне, слава богу, такое никогда не грозит.

– А теперь главное, – закончив рассказывать про сортировку почты, Юля присаживается на край стола и острым взглядом пригвозждает меня к стулу. – Юрий Константинович человек несвободный. Почти женатый. Планы себе никакие не строй.

Пассивная агрессия подана под очень заботливым соусом. И очень предостерегающе.

– У меня парень есть, – первое, что приходит в голову, чтобы отвести от себя угрозу.

Стоит ли добавлять, что и типаж начальника мне совсем не импонирует? Даже представить себе не могу, чем такой мужчина может меня привлечь. Я в садике на утреннике Дюймовочку играла, когда он уже организовал свой бизнес.

– Вот и отлично. Тогда мы подружимся, – располагающе, насколько акула может уметь располагать, улыбается Юля. – И ко мне, пожалуйста, Юлия Сергеевна.

Как скажешь.

Я киваю, и мы возвращаемся к рабочей рутине. Все нюансы, которые раскладывает мне на пальцах Юля, я записываю в заготовленный блокнотик. Четко и по пунктам, чтобы ничего не забыть. Это сегодня, пока я принимаю звонки и сортирую почту, она со мной, а завтра, как я поняла, уже останусь только я – единственный воин в поле.

– Юля, – от твердого голоса начальника, бесшумно появившегося в дверях собственного кабинета, я вздрагиваю.

К этому нужно привыкнуть.

– Ты все показала Софье? – обращается к своей старой секретарше.

Юлия-называй-меня-Сергеевна соскакивает со стола и, растянув губы в лучезарной улыбке, разворачивается к шесту.

– Да, Юрий Константинович. Можно я пойду? – угадываются капризно-молящие нотки.

– Зайди сначала ко мне, – машет головой на свой кабинет.

Юля огибает стол и следует в указанном направлении. На ее плавно покачивающиеся бедра засматриваюсь даже я, молча завидуя. И есть, чем покрутить, и делает она это филигранно. Навык, которым не всем дано овладеть.

– Софья, – заставляет поднять на него глаза Юрий Константинович. – Все понятно?

– Пока да, – твердо отвечаю я.

– Если остались какие-то вопросы – задай их сейчас, потом спросить будет не у кого.

– Спасибо, думаю, Юлия Сергеевна дала мне полную информацию.

Брови на извечно застывшем лице слегка приподнимаются вверх. Да, я подчеркнула социальную разницу, на которую указала его бывшая секретарша своим «называй меня по имени-отчеству».

– Сделать вам кофе? – натягиваю улыбку.

– Нет, спасибо, Юля сделает.

После сумасшедшего собеседования я ждала какого угодно самодурства от будущего начальника, так что этот простой диалог немного меня приземляет. Возможно, устроенное на собеседовании шоу было всего лишь проверкой на вшивость-стрессоустойчивость. По крайней мере сейчас он кажется более, чем адекватным человеком.

И мой гениальный стратегический план «продержись здесь полгода, наработай опыт и ищи нормальную работу» выглядит вполне осуществимым. Но потом Тарелкин снова открывает рот.

– И да, вы всегда так одеваетесь, или у вас есть нормальная одежда?

Тело мгновенно вытягивается в струну, заставляя выгнуть спину, словно в нее всадили палку. Я набираю воздуха через нос, готовясь к ответной атаке, потому что рефлекс «нападай на нападающего» из себя не выгнать. Но желание во чтобы то ни стало осуществить свой дерзкий план по набору опыта, немного приземляет меня.

– Меня не предупредили, что есть дресс-код, – выдаю с максимально нейтральной интонацией.

Потому что не понимаю, чем мои джинсы и скромно накиннутый на тонкую блузку кардиган могли его не устроить. Лавры Миранды Пристли не дают покоя?

– Будьте добры придерживаться делового стиля, – сухо отвечает мне великий босс и разворачивается, чтобы скрыться в своем кабинете.

Уже можно вешать клеймо «мудак» на него?

Дверь в кабинет Юрия Константиновича захлопывается, глуша высокий женский смех.

Потрясающе.

Я беру себя в руки, парой глубоких вдохов-выдохов заглушая в себе раздражение, и берусь за работу. Не спеша просматриваю электронную почту, сортируя письма по ящикам, как показывала Юля, сверяюсь с заметками в блокноте и стараюсь не накосячить в первый же рабочий день. Потом берусь за корреспонденцию на столе, которая подается на подпись руководителю в конце дня. Сортирую, как мне кажется, по логике: отдельно бухгалтерские документы, отдельно приказы, последними – заявления.

В принципе, пока ничего сложного.

Селектор на столе пронзительно пищит, и я дергаюсь от неожиданности. С собственной нервной системой надо бы поработать, есть широкая зона для развития.

Из динамика телефона раздаются странные звуки.

Я даже не сразу понимаю, что происходит. Но когда до меня доносится «ну котик...» сквозь мерзкое хихиканье, с лица стекает вся краска. Так вот, что они делают за закрытыми дверями.

Боже, какая мерзость.

Я быстро листаю свой блокнот, чтобы найти зарисовку кнопок телефона, которую сделала, когда Юля рассказывала мне какая кнопка за что отвечает, и нахожу нужную.

Слава богам, отвратительная картинка прекращает собираться в моей голове сразу же, как отрубаются звуки.

Я попала в ад.

Надеюсь, это был первый и последний раз.

Глава 3. 26 месяцев до катастрофы

Они пять заперлись.

Сегодня я уже говорила, как ненавижу свою работу?

Ах да, точно. В первые же пять минут рабочего дня, при первом же громогласном зове «Софья». Как быстро можно возненавидеть собственное прекрасное имя.

Но не мешает повториться: ненавижу, ненавижу, ненавижу.

Если она снова включит долбаный селектор прямо посреди... Извращенка, ей-богу. Или извращенцы. Может, Тарелкин в курсе, что она это делает и поощряет? Может, у них такие специфические игры?

– Курьера заказывали? – опирается на стойку наш извечный мальчик на побегушках из курьерской компании.

Мелкий, а самоуверенный донельзя. И как таких на работу берут? Паспорт хоть проверяют?

– Ты вовремя, Балабол Виталик, – встаю со стола и тянусь к стопке уже запечатанной корреспонденции.

– Я Балабанов, – сразу куксится малыш.

– Не обольщайся.

Перебираю заполненные накладные, проверяя, все ли заполнила.

– Кстати, у меня заканчиваются конверты А4, я сказала

оператору, ты принес? – поднимаю взгляд на мальчишку.

– Картонных пока нет, завтра привезу, – все еще дуясь, бубнит он. А нечего ко взрослым тетям клеиться. – Пакеты надо?

– Нет. И накладныххвати завтра, ладно? У меня штук двадцать всего осталось.

– Ок, моя госпожа, – снова лыбится чертенок.

Ну как у него так выходит, ума не приложу. Его только что опустили по самое не могу, а он и минуты не погоревал. Снова заигрывает.

– Иди уже, Виталик, – против воли и сама улыбаюсь ему.

Он совершенно по-мальчишечьи подмигивает и разворачивается на выход, зажав подмышкой конверты с корреспонденцией. Тут же распахивается дверь кабинета генерального.

– Я тогда сейчас за туфлями, а вечером к маме, чтоб все, как положено, – воркует Юля, появившаяся вслед за Тарелкиным из кабинета.

Она жметя к нему так, что кажется, дыру в его рубашке сейчас протрет. Еще не дотерлись?

– Точно на обед не сможешь вырваться? – по-классически дует губы.

– Точно, – отвечает Юрий Константинович. – Позвони кому-нибудь из подружек.

– А ты мне денежку кинешь? Я в "ПастаБар" хотела заскочить сегодня. Знаю, непозволительно в себя прямо накануне свадьбы столько углеводов пихать, но так хочется, умереть

можно.

Боже, эта женщина гениальна. И ножкой топнуть, и губу закусить. Театральные подмости потеряли актрису, sos.

– Кину, конечно, – тепло улыбается шеф, наглаживая круглое плечико невесты.

Первые два месяца работы я была уверена, что функция «растяни губы и порадуйся жизни» в этого человека-робота не вшита.

– Софья, пока! – жизнерадостно прощается со мной беззаботная женщина с флером лицемерия.

– До свидания, Юлия Сергеевна, – выучено нейтрально говорю я, снова утыкая свой нос в компьютер.

– Софья, зайди, – уже сухо обращается ко мне Тарелкин.

– Убрать? – прежде, чем успеваю тормознуть свой язык, вырывается из меня.

Лицо шефа меняется на глазах. А вот это новенькие эмоции, их я пока не знаю. Растерянность? Он реально думал, я не знаю, чем они так каждый раз занимаются? Значит, жучка Юля в одиночку проворачивает эти фокусы с вовремя нажатой кнопкой селектора.

– Захвати блокнот и ручку, – мгновенно берет себя в руки великий начальник, разворачивается и скрывается в кабинете, оставив дверь приоткрытой.

Я совершенно нерационально улыбаюсь, собирая на столе принадлежности для записи. Вот ляпнула и сразу легче стало. Мама всегда говорит: сдерживаться – себе вредить. А я

уже больше полугода коплю яд в себе, так и самой сдохнуть можно.

– Закрой дверь, – звучит почти угрожающе.

Звучало бы, не работай я на него уже столько месяцев. Его грозным интонациям и деспотичным выпадам меня уже не тронуть.

Прикрываю за собой дверь и прохожу за стол. По привычке занимаю место по правую сторону от Тарелкина, хотя для этого нужно обогнуть длинную столешницу. Просто в моей голове заниматься сексом именно с этой стороны – проблематично, тут фикус мешает, так что стол тут точно не знал ничьих задниц.

– Приказ на и.о. из кадров уже передали? – спрашивает, нахмурившись.

– Нет, не приносили.

Юрий Константинович раздраженно выдыхает и берется за телефон. Набирает короткий внутренний номер и рявкает:

– Лена, где приказ на Михайлова? – выслушивает сбивчивый ответ и заключает. – Жду через десять минут.

Кладет трубку и снова обращает взор на меня, держащую ручку наготове.

Я ждала его отпуска слишком долго. Только это и мотивировало. А в момент, когда я в очередной раз истерично писала заявление на увольнение в кабинете эйчара, это был последний убеждающий меня довод остаться. Лидочка Сергеевна так и сказала: подожди немного, он сейчас в от-

пуск уедет, а вернется совсем другим человеком, вот посмотришь! Вот я и смотрю. Буквально замерла в ожидании чуда.

– Не вижу у себя на почте ответ от уральского завода, – буравит дыру в моем лбу.

– Потому что они еще не ответили, – спокойно отвечаю я.

– Ты звонила туда?

– Еще нет.

– Софья, – мое имя каким-то фантастическим способом выходит рычащим, даже не имея в себе сонорных согласных. – Я разве не говорил, что ответ нужен мне сегодня?

– Я им это написала. Поставила уведомление о прочтении письма, а в теме написала «срочно». Они прочли, – защищаюсь. – Ждем, – нервно постукиваю ручкой по блокноту.

– Ждать времени уже нет, – гремит разъяренный начальник. – Звони им, пока не выйдешь на ответственное лицо. А потом дави, пока он не напишет чертов ответ. Юристам нужно подтверждение, что они в курсе ситуации с расхождением в счетах-фактурах.

Так вот пусть они бы и давили.

– Хорошо, – киваю, записывая себе первостепенную задачу: найти и уничтожить человека, из-за которого на меня сегодня снова орут.

– Дальше, – переключается Тарелкин. – Сегодня должен прийти человек на собеседование в отдел сопровождения, проводишь ко мне. Все документы на подпись подготовь к трем, я после четырех уеду с концами. Билеты мне пересла-

ла?

Я отрываюсь от записи задач и киваю.

– На личной почте. Машину на воскресенье до аэропорта заказала. На шестнадцатое из аэропорта нужно?

– Да. Партнеров уведомила, что все вопросы ближайшие три недели напрямую через Михайлова?

Я снова киваю.

– По срочным вопросам – я на телефоне, – продолжает великий босс.

Ненормальный. Три недели провести на Бали, празднуя собственный медовый месяц, и «быть на связи»? Повезло Юле.

– Так, что еще? – переводит свой взор на точно такой же корпоративный блокнот, как и у меня. – Цветы поливать не забывай.

Я давлю в себе нервный смешок. Ну конечно, он не забыл и про эту сверхважную задачу. Если хоть что-то останется без контроля – вселенная схлопнется в сингулярность.

Телефон на столе начальника оживает.

– Свободна, – прежде, чем ответить, отпускает меня.

Я с облегчением покидаю душный кабинет Тарелкина. Энергетика внутри и снаружи кардинально отличаются, словно выходишь из тесного автобуса на лесную полянку.

– Здравствуйте, – отвлекает меня от внутренней тирады незнакомый молодой парень.

– Вы на собеседование? – разглядываю кандидата.

Интересный. Темноволосый и грешно привлекательный.

– Да, – и низкий хорошо поставленный голос тоже складываем в копилочку «интересного». – Я на должность ведущего специалиста в отдел сопровождения. Резюме, – кладет на столешницу распечатанный бланк.

«Максим» – успеваю прочесть. Как журнал для взрослых.

И выглядит так же порочно.

Ох уж эти темные кудри у лица.

– Можно попросить вас сделать его копию? – доверительно наклоняется ко мне. – Мне после этой встречи на еще одну, я просто не успею распечатать новое.

– Можно, – беру листок и вкладываю в ксерокс. Нажимаю кнопку и медленно скольжу взглядом по интересному соискателю. Он вглядывается в ответ.

На его чересчур пропорциональном лице расцветает самоуверенная улыбочка. Знает, как хорош и пользуется этим.

Проходили.

– Вам туда, – укладывая копию и оригинал резюме перед ПорноМаксимом, указываю на дверь позади. – Не забудьте постучаться, – все же помогаю советом.

Тарелкин терпеть не может, когда врываются, а этот сильно похож на того, кто привык заходить с ноги.

– Благодарю.

Кандидат в отдел сопровождения забирает бумажки и решительно следует к кабинету генерального. Следует уверенный стук, а затем он скрывается за дверью.

Ну удачи.

Я сажусь за рабочий стол и ищу телефон гребаного уральского завода, чтобы настучать любому несчастному, снявшему трубку, по самое не балуй.

– У себя? – появляется запыхавшаяся Лена из кадров, очевидно, с приказом на и.о.

– Занят, оставь здесь, – киваю на папку для подписи, слушая мерные гудки в трубке.

Если они еще и не поднимут...

– Не, я лучше подожду, – с круглыми от ужаса глазами перетаптывается с ноги на ногу.

– Там надолго, скорее всего. Собеседование.

Уже два месяца эти кандидаты шляются туда-сюда, ни разу еще никто не прошел. И чем дольше Тарелкин их мучает, тем выше вероятность, что соискатель мимо.

Послушав десяток гудков, кладу трубку, залезаю в интернет и ищу другие телефоны для связи. Если они не снимут трубку, придется брать билеты до Еката и лететь вставлять пистонов лично. Иначе Тарелкин снимет с меня скальп. Он и удаленно этот фокус провернет, если надо – прямо из ЗАГСа. Интересно, успею я обернуться за день? Сколько ту лететь? Часа два?

Неожиданно дверь кабинета генерального распаивается и появляется самоуверенный красавчик. С уже не столь уверенной улыбочкой на губах. И с этим Тарелкин разделался.

Мимо него тут же ныряет Леночка, как мышка, прикры-

вая за собой дверь. Максим – почти порножурнал – оттягивает ворот рубашки, словно он его придушивает и несмело шагает ко мне.

– Милая девушка, – не растеряв обольстительности в голосе начинает он.

– Софья, – прерываю его насмешливо.

– Софья, – дарит мне совершенно сногшибательную улыбочку.

Ну хорош до невозможности.

– Боюсь у вас заблудиться, вы меня не проводите...

– На выход? – подстраиваюсь под его сладкий тон.

Улыбка на губах парня становится шире. И искренне.

– Вообще-то меня послали в отдел кадров, – усмехается он. – Вернее отправили.

А вот это уже неожиданно. Неужели прошел? За три минуты?

– Но я уже готов на выход. Ваш босс всегда такой странный? – доверительно склоняется ко мне, растеряв напускное заигрывание.

– Просил описать желтый цвет слепому? – не без удовольствия интересуюсь я. У меня уже коллекция потрясающих мозговывертов от Тарелкина.

– Описать, как бы я организовал свое рабочее время, будь я скрепкой, – низко смеется Максим.

– Да, он всегда такой, – отвечаю на его недавний вопрос. – Уверены, что хотите здесь работать? – выхожу из-за стой-

ки и приглашающе указываю рукой на коридор, по которому планирую вести его в логово эйчара.

– Более чем, – приглушенно отвечает наш новый специалист из отдела сопровождения.

Буравя взглядом мой зад.

Глава 4. 18 месяцев до катастрофы

– Софья! – раздается классический зов из кабинета начальника.

Я делаю один очень глубокий вдох и, захватив телефон, иду на клич. Тайна нажатой кнопочки селектора раскрыта: Тарелкин не подозревает о ее существовании. Ему проще орать на весь офис, чем выучить, куда нажимать.

– Доброе утро, Юрий Константинович, – холодно здороваюсь я.

Ибо он пролетел мимо меня пятью минутами ранее, даже не удостоив взглядом. Хотя в курсе, что я уже на рабочем месте.

– Кофе сделай, пожалуйста, – поправляя на шее узел галстука, просит он.

И использует вроде бы вежливые слова, а все равно так и тянет ему в чашку наплевать. Последнее время он каждый день с самого утра заведенный, уже приезжает таким, словно по пути ему бампер помяли. Но каждый божий день это же не может случаться, правда? Значит, есть другая причина. И я даже подозреваю, какое у нее имя.

Юлия Сергеевна подозрительно давно не заглядывала к мужу в офис.

Чему я безмерно благодарна.

– Кофемашина сломалась, я уже вызвала мастера, могу предложить чай, – действуя по принципу «принесла проблеме – принеси решение», столь любимому Тарелкиным, предлагаю я.

Юрий Константинович издает тяжкий вздох и, раздраженно бросив свой галстук, откидывается на кресле.

– Третий раз за месяц, – сверлит меня напряженным взглядом.

– Если вы подозреваете меня в саботаже, то огорчу: кофемашина просто старая. Гарантийный срок прошел еще пять лет назад, – чеканю я.

– Так закажи новую! – раздраженно кидает босс.

– Всем?

– Что?

– Отделы за свои деньги скидываются на ремонт, если что. У всех такая проблема.

– Значит, закажи всем. А мне добудь чертов кофе!

– Окей. Это все? – постукиваю по экрану смартфона.

– Принесешь кофе – поговорим, – бросает шеф, переводя взгляд на ноутбук.

Я разворачиваюсь на выход и, громко стуча каблуками, выхожу. Я не специально выбрала металлические набойки, но сейчас даже рада раздражать слух начальника. Он же не лишает себя удовольствия раздражать меня.

Заглядываю в кабинет к юристам, они сидят прямо рядом с приемной, и прошу воспользоваться их столь же наладан

дышащей машинкой, какая стоит у меня.

– Какая ты сегодня красотка, Сонь, – тянет Женька, ведущий юрист. – Это пояс такой, или костюм? – рассматривает меня со всех сторон.

Я радостно кручусь вокруг своей оси, реально классную вещь удалось отхватить на сейле.

– Это платье-рубашка и пояс баска, – объясняю.

– И сапожки – сказка! – продолжает восхищаться Женька. – А я все время смотрю на ботфорты в магазине и не знаю, с чем их носить, – грустно подпирает щеку рукой.

– Эх, была бы у меня такая фигурка, – подключается Илона Витальевна, начальница отдела. И подмигивает мне. – Пользуйся, правильно, пока троих не родила.

– Я и не собираюсь, – громко хохочу, забирая чашку с кофе для Тарелкина из-под машинки.

Куда мне столько?

– Все так говорят, а потом замуж выскочат и... – грустно перебирает бумажки у себя на столе.

– Так замуж я пока тоже не собираюсь. Кстати, Тарелкин согласовал новые кофемашины. Сегодня буду заказывать.

– Да неужели? – восхищенно ахает Женька. – Рак на горе свистнул, не иначе.

– Это все благодаря Сонечке, без нее мы бы все тут без бумаги сидели и лишний раз конверт попросить боялись, как раньше, да девчонки? – присоединяется к разговору Даша, старожил отдела. – А теперь вообще заживем.

– Закажи нам Дольче Густо, плиз, – просит Женька. – Мы даже капсулы сами покупать готовы.

– Не надо сами, я в бюджет расходов на офис внесу, – толкаю дверь спиной и выхожу в коридор.

– Осторожно, опасность, – мимо меня несется Лиза, новенькая из маркетинга, как всегда, с какой-то огромной коробкой.

Бедняжка.

Я уворачиваюсь, стараясь не пролить драгоценный кофе, но пара капель все же попадает на манжету рубашки. Черт. День с утра наперекосяк.

Сжимая в одной руке телефон, а в другой чашку с кофе, возвращаюсь в кабинет Тарелкина. Аура его взведенного настроения летает в воздухе.

Стук моих каблучков обращает его взор на меня. Он медленно оглядывает меня с ног до головы, чтобы в очередной раз извергнуть гадость:

– Тебе стоит пересмотреть свой гардероб.

– А вам свои галстуки, – не остаюсь в долгу.

Как же он меня задрал. Терпеть уже сил нет! То джинсы не носи, то юбка слишком вульгарная. Теперь вот в длинной рубашке что-то усмотрел. Эвелина Хромченко, блин.

Брови Тарелкина ползут вверх, наконец, разглаживая поседевшую на его лбу складку недовольства всем и вся.

– Уволю, Софья, – вкрадчиво угрожает он.

– Сначала найдите мне замену, – ставлю перед ним кофе

и выпрямляюсь, не страшась отвечая на его пронзительный взгляд. – Я в тот же день сама напишу заявление.

Не глаза, а бездонная засасывающая дыра. Но холодок по спине, как прежде, уже не вызывает. Даже к бездне можно привыкнуть.

– Ты чего такая дерзкая стала? – берет чашку с кофе и подносит ее ко рту, не смещая с меня фокус своего взгляда.

– Вы на меня плохо влияете.

– Садись, – миролюбиво предлагает он, словно расслабившись.

Напряженные плечи опускаются вниз, а сам шеф откидывается на спинку кресла, не выпуская из рук чашку с кофе.

– Закажи мне завтрак, – просит, когда я усаживаюсь напротив и открываю заметки на телефоне.

Так вот отчего он такой по утрам. Его не кормят!

– Есть какие-то предпочтения? – поднимаю на него вопросительный взгляд.

– Да, чтобы он был сытный и в течение часа. И никакой рыбы.

Я быстро вбиваю информацию себе в телефон.

– Могу поискать контору с доставкой на каждый день и заключить договор... – мягко прошупываю почву.

– Да, поищи, – благосклонно кивает Юрий Константинович, подтверждая теории, что я понастроила в голове. – Что у нас сегодня по расписанию? Ежедневник дома оставил.

Точно не все спокойно в Датском королевстве.

– В десять планерка для отделов, в два приедут представители «Ярославских красок» обсудить приложение к договору. По встречах все, – постукиваю пальцами по столу. – Статистику с отделов собрала, вам на почту перенаправила консолидированным файлом. Мне кажется, у отдела сопровождения ошибка, там темп роста в триста процентов по Угренскому магазину.

– Как хорошо иметь секретаря с экономическим образованием. Подрастешь и назначу тебя личным помощником, – поставив недопитую чашку кофе на стол, Тарелкин оживляет экран ноутбука. Заходит в почту и ищет файл, который я ему направила.

Я все еще прихожу в себя от его слов. Он реально пообещал мне карьерные перспективы? Похвалил, хоть и весьма своеобразно?

Рак на горе точно свистнул. Свистнул и сдох.

– Да, вижу, – пролистав до нужной вкладки, кивает Тарелкин. – Криворукие. Тебе – пятерка на сегодня. Иди, займись завтраком.

Я, неожиданно окрыленная, вскакиваю с места и несусь на свое рабочее место выполнять поручения. Слова неведомой похвалы еще звучат отголосками в голове. Не смотря на отвратительный характер, в дальнорзости шефу не откажешь. Он ценит меня.

С ума сойти.

Ни черта он меня не ценит.

– Софья, стулья, – выйдя из кабинета, в который стекаются начальники всех отделов, гремит Тарелкин.

И еда не сделала его добрее.

Хотя я очень постаралась. Нашла ближайшее кафе с завтраками, отправила туда скучающего водителя за самовывозом, чтобы было быстрее, и принесла все лично в кабинет. Но он не то, что спасибо не сказал, снова разговаривает ором.

Сегодня я планировала посмотреть «Тихое место», так вот, на месте жертвы, погибшей с особой жестокостью, я буду представлять Тарелкина. Это моя личная медитация, чтобы завтра не придушить его одним из его дорогуших галстуков.

Я иду в кабинет к юристам, чтобы одолжить у них стулья, о которых забыла. Была слишком возбуждена парой добрых слов от тирана и не подготовилась к совещанию с должной тщательностью. И, захватив себе в помощники водителя Игоря, шляющегося по офису без дела, несущего чертовы стулья в кабинет генерального.

– Чёт я ссу, – раздаётся еле слышное над головой, когда я возвращаюсь в приемную, чтобы заняться своими бумажками.

Я поднимаю взгляд и смотрю на новенькую из маркетинга, виновницу кофейных пятен на моем свеженьком платье-рубашке.

– Не бойся, все звездюли сегодня достанутся отделу сопровождения, – успокаиваю ее.

Она вздрагивает и оборачивается на меня с круглыми глазами.

– Ой, я в слух это сказала? – смотрит на меня, как ребенок на раздавленного ежика.

– Ага, – не сдерживаю улыбки.

Она смешная.

– Лишь бы не ляпнуть что-нибудь на первом же совещании. Это же надо было начальнику отдела уволиться, как только меня взяли, – выбалтывает просто все, что думает. – Лидия Сергеевна, конечно...

– Твоя родственница? – осторожно интересуюсь. Ходят активные слухи.

– Боже упаси, – тут же энергично перекрещивается девочка.

Меня пробирает на смех. Ну, если она не засланный казачок – мы подружимся.

– Я ее два раза в жизни видела. Специфическая женщина. Так красиво мне все расписала, а потом как – жаж! – прямо мордой в работу.

Я уже не сдерживаю смех. Точно подружимся.

– Ладно, я пошла. Фух! – она громко выдыхает и проходит в кабинет генерального на еженедельную планерку-распятие неугодных.

– Удачи, – хмыкаю я.

Спустя час из кабинета все еще не слышится оров, пробивающихся даже сквозь стены с отличной звуконепроницаемостью. Это хороший знак. Возможно, завтраки все же работают.

– На месте? – тишину приемной разрезает высокий и злой голос жены Тарелкина.

Я удивленно смотрю на Юлю. Ее лицо претерпело какие-то изменения, или я просто давно ее не видела?

– Здравствуйте, Юлия Сергеевна, – вежливо здороваюсь я. – У него сейчас планерка.

– Да насрать мне, – выплевывает на мою реплику и зло дергает ручку кабинета, врываясь на совещание.

Я даже подскочить с места не успеваю, хотя и кидаться грудью на амбразуру не собиралась, мне за защиту от истерик жены не платят. Из приоткрытой двери кабинета доносятся голоса, но разобрать что-то сложно. Спустя минуту из кабинета выходит Юрий Константинович, ведя под руку жену.

– Перерыв на десять минут, коллеги, – кидает он собравшимся в кабинете, а потом обращается к жене, уже приглушенно. – Юля, какого хрена?

– Ты не отвечаешь на звонки. А я хотела помириться, – с негодованием объясняет она.

– Никогда больше не врывайся ко мне без предупреждения. Пошли, – тянет ее куда-то.

– Чтобы ты мог быть спокоен, раскладывая свою секре-

таршу на столе? – ехидно усмехается Юля.

О-о-о, а вот и я под горячую руку попала. Отличненько. У кого что болит...

Парочка удаляется по коридору в неизвестном направлении, лишая меня удовольствия слышать про себя гадости. Какая жалость.

– Соня, дорогая моя, – у стола вырастает ПорноМакс, улизнувший из кабинета начальника. – Неужели нельзя было позвонить мне, когда увидела ошибку в табличке, чтобы мои яйца не зажали в тиски на виду у всех?

Значит, получил по жопе на совещании?

– Я за твои яйца переживала, как за свои, честное слово, – картинно сочувствую. – Даже позвонила твоим ребятам и просила их исправить ошибку, когда тебя на рабочем месте не оказалось. Но нового файла мне так и не пришло. Так что все претензии не ко мне.

– Кого-то сегодня ждет жесткий сеанс БДСМ, – пугающе улыбается Державин. – С кем ты разговаривала?

– Чтобы не быть виновной в чьей-то поломанной психике – промолчу.

– Ты – святая.

– Ага, поклонение принимается в материальной валюте, – возвращаюсь к разбору почты, на которую посыпались письма.

– Язва, – улыбается еще шире. – Пригласить тебя на свидание, что ли? – нависает сверху, опираясь на стойку.

– Я с тобой не пойду. БДСМ – это не мое, – отвечаю, не отвлекаясь от просмотра почты.

– Кхм, продолжим, – прерывает обмен нашими остротами, появившийся в приемной Тарелкин.

Упс, кажется, он услышал больше, чем когда-либо должен был.

– Юрий Константинович, ваш секретарь меня обижает, – насмешливо бросает Макс, скрываясь в кабинете.

Ответ начальника я уже не слышу, но отчего-то вспыхиваю.

Впервые испытываю странную неловкость от того, что меня в глазах Тарелкина очеловечивают. И образ выходит так себе.

Глава 5. 12 месяцев до катастрофы

– Я не возьму!

Глаза впиваются в плюшевого медведя размером ровно в половину меня. Плюшевое безобразие.

– Ну Соня... – канючит парень, смотря такими щенячьими глазками...

– Виталик! – грозно смотрю в ответ. – Тебе сколько лет?

– Какая разница, – возмущенно сводит брови. – Это от чистого сердца.

– Мне не нужно твое чистое сердце. И медведь твой не нужен. Забирай давай и найди хорошую девочку, а ко мне больше не приставай, занята я, – раздраженно выдыхаю и берусь за переключивание пачек писем, которые сегодня нужно отправить. – На вот, забирай. И больше вот такое, – киваю на косолапого. – Сюда не таскай. Иначе позвоню в фирму вашу и попрошу заменить надоедливого курьера.

Парнишка, которого только что жестко отшили, супится, но убирает с секретарской стойки гигантского медведя на пол и принимается подписывать накладные. Сегодня почты как никогда много. Он ловко черкает фамилию в углу каждой бумажки и отрывает второй экземпляр для себя, вкладывая его в прозрачный самоклеящийся пакет на конвертах.

– Сонь, ну обед, – забегает в приемную Лиза, потряхивая

сумкой.

На самом деле мы собирались пробежаться по магазинам, вместо положенного приема пищи, но Балабол Виталик решил невовремя заглянуть.

– Сейчас пойдем, – киваю я, поглядывая на шустрые закорючки курьера.

– Как рука? – Лиза подходит к стойке и заинтересованно стреляет глазками на повязку на руке.

– Блин, чешется, зараза, – привычно накрываю место ладонью и чуть похлопываю. Знаю, что чесать категорически запрещено, но сил уже никаких нет.

– Так посмотреть хочется, – канючит подруга.

– Я же тебе отправляла фотку сразу после сеанса.

– Там все красное было и отекшее, – морщится она.

– А сейчас там корка, – смеюсь над ее полным ужаса лицом, но к бинту тянусь, разматывая.

На самом деле бинт совсем не нужен, достаточно заживляющей пленки, но мне пришлось его нацепить, потому что у Тарелкина, видите ли, тонкая душевная организация и он такое «уродование тела» категорически не поощряет.

– Не, я, пожалуй, передумала делать с собой такое. Ты мужественная женщина. Мало того, что сеанс терпеть, так потом еще вот это все, – очерчивает пальчиком мое запястье.

– Да на самом деле было терпимо. Я хочу еще на спине потом сделать. Между лопатками. Я такой эскиз у Марианны видела... Забронировала его уже, через месяц пойду.

– О-о-о, все, ты подседа.

Может быть.

Но ведь это красиво.

Я люблюсь еще не зажившей картинкой у себя на руке и улыбаюсь. Мне очень нравится тонко обвивающая запястье ветка. Словно браслет. Это... довольно сексуально.

– Но секси, конечно, – будто читая мои мысли, заключает Лиза.

Вот поэтому мы и подружились. Всегда мыслим в одном направлении.

– Чё, пойдём? – вешает сумку себе на плечо. – Мне срочно нужны солнечные очки. Но не какие-нибудь лошарские, а нормальные. Я думала насчет формы кошачий «глаз». Или, может, квадратные? Мне кажется, мне они вообще не идут. И поесть. Давай заскочим в кофейню через дорогу, там офигенские клаб-сэндвичи! – с горящим взглядом тараторит она, переключаясь с темы на тему.

Пока она тараторит, я замечаю, что Балабол Виталик, восплававший ко мне ненужными чувствами, уже свалил, втихую, пока я отвлеклась, прихватив с собой конверты. А вот медведя, жук такой, оставил стоять за стойкой, чтобы я не сразу заметила. Ну что ты с ним будешь делать! То открыточки какие-то, то конфеты. Хорошо до цветов пока не добрался. Но этот медведь... что я с ним буду делать?

Наклоняюсь и поднимаю с пола ни в чем не повинного зверя и переносу его за стойку. Ставлю на подоконник, что-

бы не мельтешил перед глазами во время работы. Посиди пока тут, дружок, пока я не изловлю мелкого настырного мальчишку и не заставлю найти тебе хозяйку по возрасту.

– Слушай, ну у тебя и поклонник, – ржет Лизок. – Два вершка от горшка и медведь в руках, – заливается звонким смехом. – Я еле сдержалась, чтоб при нем не заржать.

– В следующий раз не сдерживайся. Мои вежливые отказы он уже не понимает.

– А ты была прям вежлива? – притворно удивляется подруга.

– Максимально!

Я накидываю плащ, и мы идем к лифтам, продолжая болтать. Народ уже рассосался на обеденный перерыв, так что мы единственные притязательницы на подъемное устройство. Кидаю взгляд на часы. Хоть бы управиться за пятьдесят минут с грандиозными планами Лизы. Хотя Тарелкина еще нет, он предупредил, что всю первую половину дня будет отсутствовать, но будет эпик, если он придет, а меня на месте нет.

– А это правда... – понижает голос до шепота подруга. – Что Тарелкин разводится?

– Откуда такая информация? – искренне удивляюсь я.

Не потому, что слышу это впервые. Хотя нет, слышу как раз впервые, но информация удивления не вызывает, она по крупицам и так сложилась в моей голове. Из ненароком подслушанных разговоров, часто бегающей к Тарелкину Ка-

рины Витальевны из юридического, случайно оброненных фраз и перешедшего на трехразовое питание в офисе шефа.

Но вот так напрямую слухи еще не ходили.

– Лидочка Сергеевна, – многозначительно выгибает брови Лиза.

– Понятно, – поджимаю я губы.

Эйчар, конечно, должен быть в курсе всего и всех, но разве он должен разносить эту информацию по офису, как грипп? На месте Тарелкина я бы давно уже ее...

Лифт сигналил о прибытии, двери открываются и оттуда выходит сам черт, которого только что помянули.

– Вот это да, – пораженно шепчет подруга. – Здравствуй-те, Юрий Константинович, – тут же громко здоровается.

– Добрый день, – привычно сухо бросает он. – Софья, зайди, – тут же переключается на меня

И не дожидаясь не то, что моего слова, а даже кивка согласия, разворачивается в сторону своего кабинета и быстро удаляется по коридору. Рабам на галерах собственное мнение не положено. Как всегда.

Я бросаю извиняющийся взгляд на подругу, глушу урчащий живот и бросаюсь догонять Тарелкина с его широким шагом.

– Сейчас обед, – не сдерживаю своего негодования, залетая за ним в кабинет.

Ему, конечно, все равно, но может однажды в нем проснется неведомая раньше эмоция: сострадание?

Скидываю плащ, кидаю сумку на стол, достаю телефон и готовлюсь записывать. Злющая, как черт.

Юрий Константинович сбрасывает с плеч пиджак, вешает его на спинку кресла, и включает кондиционер в кабинете. В офисе в сравнении с улицей действительно духотища.

– Да, закажи обед, – кидает мне, настраивая поток воздуха на нужную температуру.

Козел.

Откладывает пульт от сплит-системы и, наконец, достаивает меня взглядом. Видит в моих руках телефон и по классике сводит брови на переносице. Я уже устала ему объяснять, что современные технологии рулят и мне не нужен блокнот, когда есть заметки в телефоне, которые не подводят и всегда оказываются под рукой.

Но сегодня, кажется, пристальное внимание удостоился не гаджет в моих руках. Вот черт. Тату.

Решив, что на обеде можно бинтом не укрываться, я так и разгуливаю, светя забитым запястьем под закатанными рукавами.

Сейчас начнется.

Бедный Вадим из технического в прошлый раз выслушал лекцию на двадцать минут, когда посветил под носом Тарелкина свежей татушкой на шее. Хотя на шее не светить вообще проблематично, поэтому я и выбрала место, которое можно скрыть рукавом.

– Интересно, – выдает начальник, усаживаясь в кресло.

И попробуй разгадать, что конкретно ему интересно: то, как я на такое самоуправство решилась, или сама татуировка. Но выяснять желания нет, а поесть – есть. Так что я сразу же переключаюсь на работу.

– Из сети «Ман и Джу» звонили, – знаю, он этого звонка ждал. – Их начальник из отпуска вышел. Бухгалтерия вас ждала, нужно срочно какие-то акты подписать. Начальник логистов тоже просил срочно набрать, как только приедете. На обед вам как всегда заказать? – поднимаю взгляд от заметок.

– Логистам сейчас наберу, акты пусть несут на подпись, а с «Ман и Джу» свяжись, назначь встречу через час в любом заведении, где им захочется. За наш счет. Распечатай наше коммерческое предложение и возьми образцы расходников в маркетинговом.

– Обед? – стучу пальцами по экрану.

– Для твоей комплекции ты слишком много думаешь о еде, – усмехается Тарелкин, заставляя меня вскинуть голову. Это что, была попытка пошутить? Не смешно и странно. – На встрече и поедим, – снимает трубку с телефона и отвлекается на набор внутреннего номера.

Я секунду стою на месте, соображая, а потом неуверенно разворачиваюсь и иду на выход, прихватив сумку и плащ.

То есть, я тоже еду на встречу?

Он на перепрошивке что ли с утра был?

– Я купила самые отстойные очки в мире и уже жалею, – тараторит мне в трубку Лиза. – И во всем виновата ты. Нельзя меня одну отпускать по магазинам. Сейчас пришлю тебе селфи, и ты скажешь правду. Очки, кстати, возврату подлежат? Не знаешь?

Я бы и рада вставит слово, но в душещипательный поток подруги вклинить сложно. К тому же я печатаю ответ на срочное письмо.

– Что, я тебе мешаю? – догадливо интересуется подруга, получив от меня только неразборчивые звуки. – Я сейчас сэндвичи беру, на тебя захватить?

– Не надо, я сейчас на обед поеду.

– Поедешь? – удивляется она. – О, боже, это снова он! – тут же переключается и понижает голос до тихого восторга. – Кажется, он в соседнем здании работает, помнишь, я говорила, что видела мужика. Ну такой... нереальный красавчик.

– Ага, – дописываю письмо и нажимаю отправить.

С тех пор, как ее бросил мужик, каждый парень вокруг – красавчик. В пику бывшему.

– Ладно, короче, не отвлекаю. Сейчас фотку тебе пришлю, – так и не дождавшись грандиозной реакции от меня, заключает Лиза.

Что именно придет – фотку мужика или себя в очках – так и остается загадкой. Звонок обрывается, я кидаю телефон в сумку и хватаю плащ. Тарелкин как раз выходит из кабинета.

– У нас новый работник? – кивает мне за спину, поправляя пиджак на плечах.

Чертов. Медведь.

– Скорее рьяный поклонник, – со вздохом объясняю я, складывая в папку образцы, которые без спроса надыбала у Лизы в кабинете.

– Ему тут не место, – сухо отчитывает начальник, сдвигая брови к переносице.

Недовольство.

Как дважды два.

– Сегодня от него избавлюсь, – киваю и направляюсь на выход.

Повезло, что «Ман и Джу» тоже заинтересованы в сотрудничестве и легко вписали встречу в свой график. Или просто хотят на халяву поесть. С зажатой подмышкой увесистой папкой, я следую за шефом на подземный паркинг. Сегодня Тарелкин без водителя, сам за рулем. И я немного теряюсь, останавливаясь у высокой до блеска отполированной тачки.

– Сейчас освобожу переднее, – босс обходит машину и открывает пассажирскую дверь.

Сгребает какие-то бумаги с сидения и кидает их назад. Открывает дверь шире и приглашающим жестом предлагает мне устраиваться. Но машина слишком высокая для меня. Явно для женщин с ногами от ушей. Как его жена.

– Ступенька, – показывает на выступ у ног.

Я киваю и, нацепив маску невозмутимости, делаю шаг к

машине. Будто каждый день это делаю. На локте сжимается мужская ладонь, слегка подталкивая. Помогая мне подняться. Я, совершенно не ожидавшая такого поворота, вспыхиваю. До меня давно не дотрагивались, я редко позволяю кому-либо зайти в свою зону комфорта. Но Тарелкин и не спрашивал.

Кажется, это вообще первое наше касание за почти два года совместной работы. Кожу на руке странно печет.

Юрий Константинович галантно захлопывает за мной дверь, огибает капот машины и садится на водительское место. Его движения выверены до мелочей. Вставляет ключ в зажигание, заводит машину, отключает внезапно заговорившее радио.

Я незаметно потираю локоть, чтобы согнать странное покалывание, а потом тру зачесавшийся нос. Ужасно неудобное состояние.

– Можно открыть окно? – интересуюсь, потому что носовые пазухи зудят от стойких духов, пропитавших салон машины.

– Да, – Юрий Константинович нажимает на кнопку у себя на панели и пассажирское окно медленно опускается вниз на несколько сантиметров. – Он скоро выветрится, – коротко и будто отвечая на мой незадачный вопрос, говорит он. – Надеюсь, – добавляет приглушенно.

Духи Юли.

Не узнать невозможно. Дорогие и удушливые.

Я кидаю взгляд на правую руку шефа, покоящуюся на руле, и замечаю, что кольца больше нет. Значит, действительно, все.

Это развод так его меняет? Поэтому не чувствуется больше его темной давящей энергетикой и желанием придушить его, его же галстуками? Или меня переключило после неожиданного проявления человечности?

Ресторан, который выбрали наши потенциальные партнеры, находится недалеко, но по одной только входной группе сразу становится очевидным: это не бюджетная забегаловка. Моя теория, что кто-то просто захотел красиво отобедать, становится все более реалистичной.

Хостес предлагает оставить верхнюю одежду в гардеробе и провожает нас за столик у окна, за которым еще никого нет. Тарелкин жестом руки указывает, куда мне следует сесть, я молча подчиняюсь, потому что в такой ситуации и, чего уж скрывать, в таком ресторане оказалась впервые. Я проскальзываю на синем диванчике ближе к окну, располагаю на столике папку, сумку – под столом. Юрий Константинович садится рядом, сминая мою зону комфорта к чертям. Диван тесноват для нас двоих, его колено касается моего, локоть задевает руку.

Высшая степень дискомфорта.

– В последствия татуировок входят такие пункты, как: заражение вирусными и бактериальными инфекциями, тяжелые аллергические реакции и интенсивный рост раковых

клеток, – ни с того, ни с сего выдает Тарелкин.

Мой взгляд приклеивается к собственному запястью, которое я так опрометчиво выложила на стол, а затем удивленно переходит на профиль шефа. Он, как ни в чем не бывало, копается в телефоне, просматривая почту. Выдал из себя поток информации и делай с этим, что хочешь, Соня. Как всегда.

– Не знала, что вы мнительный, – произношу отстраненно.

– Это факты, – взгляд Тарелкина перемещается на чернильную ветку на моей коже. Это ощущается физически.

– С ничтожным процентом вероятности. Вам просто не нравится эстетическая сторона, не так ли? – буравлю его висок.

– И это тоже, – взгляд на запястье становится будто... не знаю, интенсивнее? Под ним кожа начинает воспаляться и это похоже на психосоматику. Он накрутил меня со своими инфекциями.

– Я вас поняла, – берусь за закатанный рукав рубашки и медленно его отворачиваю, прикрывая место раздора.

Ну, значит какое-то время придется походить с длинным рукавом. А к лету этот консерватор смирится.

К нашему столику подходит официант, здоровается, представляет на столе воду, стаканы и вручает меню.

Мы правда будет обедать? Прямо во время встречи?

– Могу пока предложить напитки?

– Да, принесите нам два кофе. Мне Американо, – не от-

рывающая взгляд от меню, просит шеф.

Молодой, хорошо вышколенный парнишка кивает и переводит взгляд на меня. Вопросыще.

– Мне Латте, пожалуйста, – быстро ориентируюсь я и даже посылаю молодому человеку легкую улыбку.

Он доброжелательно на нее отвечает и бесшумно отходит от стола.

Я неслышно перевожу дыхание, потому что совершенно иррационально взволнована. Источник этого волнения скорее всего незнакомая ситуация, в которую я попала и не знаю, как себя вести. Я привыкла все планировать заранее и точно знать, что делать и как себя вести. Сейчас – я словно дрейфую в аэротрубе: не понимаю, как группироваться и что делать, чтобы не врезаться мордой в стекло.

Как мне себя вести?

Особенно, если учесть оставляющее ожог сквозь ткань касание наших коленей?

Как мне себя вести? Что я могу позволить себе заказать? Какую функцию мне нужно выполнять во время встречи? Нужно ли было заготовить какие-то фразы, чтобы не сидеть украшением стола, или моя функция – все записывать?

Как вжаться в чертово окно, чтобы, наконец, не чувствовать этот зуд на коже?

Ненавижу оказываться в таких ситуациях.

Я листаю меню, офигевая от ценника, и теряюсь еще больше. Слова складываются в красивые названия блюд, о боль-

шинстве которых я только слышала. Но на мое смущение желудку, честно говоря, плевать, он издает громкий звук, который не услышать, сидя так, как уселся Тарелкин, просто невозможно.

– Я подозревал, что ты недоедаешь, – усмехается начальник, не отрывая взгляда от ламинированной страницы. – Выписать тебе премию, что ли?

Я ошарашенно вглядываюсь в его хладнокровный профиль. Он снова шутит? Вот с этим непроницаемым лицом? С ним точно что-то произошло. Возможно, в этом замешаны инопланетяне и психотропные.

– Пора бы уже, – столь же невозмутимо отвечаю я, переводя взгляд на свое меню. – Поводов не увольняться все меньше и меньше.

– Собралась увольняться? – что за удивленная интонация?

Разве это не очевидно???

Щеку прожигает настырный взгляд.

– Собираюсь три раза на дню, – удастся выдать равнодушно.

– Я же повысил тебе зарплату.

– Недостаточно, – бурчу, продолжая гипнотизировать строчки меню.

– Придется придумать новый план, – буднично сообщает мне начальник.

Мне или ему? Что-то эта его фраза заставляет напрячься.

– Ваш Американо. Латте, – возле стола материализуется официант и расставляет чашки. – Готовы заказать?

Губ трогает улыбка. Неосознанная, конечно. Я ее даже не до конца осознаю, пока официант не расплывается в ответной, переводя взгляд на меня.

– Греческий салат с хумусом, – говорю уверенно и замолкаю.

– Все? – уточняет официант.

– И два стейка средней прожарки, – обрывает мое несказанно «да, всё» Тарелкин.

Официант кивает и бесшумно исчезает.

– Салат – это не еда, – берясь за телефон, объясняет начальник. – Особенно для тех, кого и так ветром сносит. Однажды до работы не доберешься, – разблокирует экран и что-то быстро печатает в открывшемся мессенджере.

До меня медленно доходит, что и тут деспотичный Тарелкин пытается мной руководить. Чертов всенародный контролер.

Меня еще ни разу не пытались откормить. Бабушек не завелось, а мама сама тощая, как палка и гордится этим.

А в столбце напротив Тарелкина появляется очередной минус. Или плюс с минусом. Все же он платит.

– Извините за опоздание, встали в обеденную пробку, – возле стола вырастает два мужичка средних лет. Как Тарелкин. Но более потрепанная версия.

Юрий Константинович поднимается, чтобы обменяться

рукопожатиями, я снова чувствую себя неуместно. Мне встать, поздороваться? Остаться сидеть и изображать кактус?

– Моя помощница, Софья, – решает проблему начальник, указывая на меня.

Вот как. Красивое слово для красивого словца.

Вот бы его в трудовую.

Двое мужичков в костюмах опускаются напротив нас и сразу берутся за меню, попутно болтая о долгожданности этой встречи. Они быстро определяют с заказом и сосредотачивают все внимание на Тарелкине и его речи. Надо сказать, что я уже была свидетельницей того, как он ведет переговоры. Это виртуозно. И не может не вызывать восхищения, каким бы он не был человеком и руководителем.

– Вот образцы нового производителя на рынке, – пока Тарелкин вещает, я раскладываю несколько палитр перед гостями. – Мы пока единственные представители этого бренда. Качество на уровне немецких аналогов. Цветовой диапазон хорошо сбалансирован. Он имеет почти одинаковое распределение разных цветовых групп и хороший баланс между укрывистыми, полупрозрачными и прозрачными цветами.

Я соединяю два одинаковых цвета из разных палитр для сравнения, беззвучно участвуя в демонстрации предложения. Мне нравится это ощущение командной работы. За годы работы в компании я об этой краске узнала в три раза больше, чем когда-либо хотела.

– Звучит все это, конечно, замечательно, – внимательно всматриваясь в образцы, подает голос один из представителей «Ман и Джу». – Но имя производителя само себя пока не продает.

– Нам нужно понять, какие объемы мы можем взять на реализацию, – добавляет второй, жуя свой салат с ростбифом. – Возможно тестово...

Даже я морщусь от их неумелой попытки слиться.

– Благодаря тому, что производство местное – цена в закупке значительно ниже. Наценку вы регулируете сами, а товар по качеству может соседствовать на премиум полке, – отрабатывает начальник по полной.

Но лица напротив не убеждены.

– Хотите, посчитаем пороговую стоимость и маржу прямо сейчас? – предлагаю я, вытаскивая из сумки калькулятор.

Судя по ошарашенным лицам напротив, никто такого не ожидал. Забавная привычка везде носить с собой калькулятор тянется со мной еще с института и, на удивление, частенько приходит на выручку. Как сейчас.

– Хотя бы примерные цифры, – настойчиво говорю я. – Постоянные и переменные расходы вам известны? И фактические продажи премиум аналога? – нажимаю кнопку «вкл» на калькуляторе.

Тишина за столом прерывается громким хохотом одного из представителей «Ман и Джу».

– Так вот, оказывается, зачем нужны такие помощницы, –

смеется он, смотря на Тарелкина. – Я неправильно использую Риту, – толкает локтем своего коллегу, продолжающего жевать салат. – Ладно, уговорили, давайте сделаем расчеты. Сейчас запрошу цифры.

Мужичок достает телефон, кому-то набирает, и уже через несколько минут я на салфетке вывожу формулу с цифрами. Да, ручки тоже никогда не исчезают из моей большой сумки.

Обед затягивается. И когда представители «Ман и Джу» встают из-за стола, довольные обозначенными договоренностями, время стремится к четырем. На столе давно остыл стейк, к которому у меня просто физически не было возможности прикоснуться, а салат выглядит уставшим. В отличие от меня.

Мне понравилось.

Чувствовать себя в своей тарелке – кайфово. Мне пора двигаться дальше и начать уже искать работу по профессии. Здесь я просто теряю время.

Тарелкин, распрощавшись со всеми рукопожатиями, устало опускается напротив, давая мне, наконец, пространства. Несколько секунд вглядывается в мое лицо, освященное улыбкой, а потом подзывает официанта.

– Заберите, пожалуйста, и принесите по новой то же самое, – обводит рукой стол.

Живот, ненадолго угомонившийся от всплеска адреналина, жалобно урчит при мысли о новой порции еды. Предыдущая в него почти не попала. Рот был занят болтовней.

Официант шустро убирает тарелки со стола и удаляется. Тарелкин продолжает молча сверлить меня взглядом. Я, чтобы чем-то себя занять, убираю в сумку все, что разложила на столе: калькулятор, ручку и исписанные салфетки. На всякий случай. Там зафиксированы договоренности.

– Может мне тебя в отдел сопровождения перевести? – задумчиво произносит Тарелкин, пытая взглядом.

Я удивленно замираю. Никогда не собиралась работать с клиентами. Но... это хоть какая, но перспектива.

– Но есть проблема, – размышляет вслух сам с собой. – Найти хорошего секретаря гораздо сложнее, чем сотрудника в продажи.

Ну вот, с небес на землю за несколько слов. От проскользнувшей похвалы сердечко уже даже не екает. Как быстро мы привыкаем к хорошему.

– Это все из-за вашего невыносимого характера, – едко замечаю я.

Непростого, Соня! «Непростого» – вот правильное слово, чтоб тебя не уволили в один день.

– Кто же спорит, – откидывается на диванчике босс. И даже смеет улыбаться. – Но ты справляешься.

Кажется, пронесло. Сколько еще я буду проверять границы этого сложного человека, пока мне прилетит ответочка? Хотя я подозреваю, что это – подсознательное. Сама я никак не решусь уволиться, а вот если самодур начальник самолично меня пнет – будет отличный толчок для поиска нормаль-

ной работы.

– Хотелось бы это видеть в трудовой и квитках за месяц,
– иду ва-банк.

– Увидишь, – обещает мне мой отвратительный, отвратительный шеф.

Или не такой уж и отвратительный? Его тщательно собранный образ монстра рушится на глазах, я не успеваю обрабатывать новые факты.

Удивление от многообещающей фразы едва проскальзывает в голове, как перед нами появляется еда.

И, клянусь, я собиралась гордо дожевать свой салат, игнорируя неуместные попытки Тарелкина меня откормить, но я весь день ничего не ела, а запах мяса просто сводит меня с ума. Мой максимум приличий с голодухи – держать нож в правой руке, а вилку в левой. И жевать с закрытым ртом.

– Так что, значит, есть поклонник? – где-то между разрезанием стейка и расслабленного потягивания очередной порции кофе, интересуется Тарелкин.

Я теряюсь ровно на две секунды, пока соображаю, о чем он вообще. Переход от рабочего к личному – разгон в стейк средней прожарки. Но после ярчайшего собеседования не существует тем, которыми ему бы удалось меня смутить.

– Только название от него, – спокойно объясняю, откладывая приборы.

Обед был прекрасен.

– Рабочие отношения – плохая идея.

Ах вот он к чему. Хотя вопрос: это добрый совет, основанный на собственном опыте, или нетерпимость к счастью других?

– Не беспокойтесь, Юрий Константинович, я тоже так считаю.

Удовлетворенный моим ответом, Тарелкин вольготно откидывается на спинку дивана. Расслабляет узел галстука, а затем и вовсе стягивает его с шеи, укладывая на стол. Достает мобильник и кому-то набирает.

– Лидия Сергеевна, подготовьте приказ на перевод Полонской на должность личного помощника генерального директора.

Смутить ему не удастся, а вот удивить – да.

Я во все глаза непонимающе пялюсь на начальника. Он реально делает это? У меня будет новая должность? Тарелкин с едва заметной ухмылкой наблюдает за сменяющимися на моем лице эмоциями.

Сейчас он прочтет меня как детскую книжку, потому что, пожалуй, впервые за годы совместной работы, мне не удастся подобрать маску.

Я в восторге. И неверии.

– С сохранением оклада, – убивает восторг босс. – И надбавкой тридцать процентов, – откровенно усмехается, видя мое вновь ожившее лицо.

Ладно, не такой уж он самодур. За всей этой броней деспотизма кроется реальный думающий и чувствующий чело-

век.

Почти наверняка.

Юрий Константинович кладет трубку и подзывает официанта. Тот, словно стоял на старте: без слов материализуется возле нас с терминалом оплаты в руке. Начальник легким жестом руки прикладывает карту, звучит сигнал оплаты, и мальчик с безукоризненными навыками обслуживания исчезает.

Мы поднимаемся из-за стола.

– Гардероб все же придется пересмотреть, – бросает Тарелкин, окидывая взглядом мою длинную юбку с макси разрезом.

Очень приличную!

И как же он задрал. Это модно, ясно?

В пылу ярости я незаметно стягиваю оставленный на столе галстук Тарелкина и прячу в своей бездонной сумке. Кто-то из нас точно пересмотрит свой гардероб.

Глава 6. 9 месяцев до катастрофы

На будущее: это была плохая идея.

Во мне плещется два бокала шампанского и три виноградинки. И это еще рабочий день не закончился.

– Здоровья вам и долгих лет еще радовать нас своим присутствием! – раздражается речью наш главбух, умасливая юбиляршу.

Вся контора собралась в кабинете генерального директора с его легкой подачи, отдавая дань нашей бессменной Лидии Сергеевне – эйчару, каких свет не видывал. Она женщина, мягко говоря, специфическая. Но шеф в ней души не чает, держит своей правой рукой и ни одно совещание без этой женщины не проводит. Даже свой просторный кабинет под растерзание отдал, разрешив и алкоголь рекой и рабочее время занять.

А убирать потом мне.

Благо весь наш коллектив состоит по большей части из трезвенников и язвенников, семейных и на машинах, так что кутеж быстро заканчивается, едва стрелки часов достигают шести вечера.

– Юрий Константинович, знаю, вы сегодня не на машине, – подкатывает к шефу именинница, пока все потихоньку вытекают из кабинета. – Уважьте, – всовывает ему в руки пла-

стиковый стаканчик. – За здоровье!

Я несдержанно фыркаю, но эти двое на меня внимания не обращают. Интересно, кто кого передавит. Собрались двое душил: один закоренелый трезвенник, вторая Лидочка Сергеевна. Они, рассыпаясь в комплиментах друг к другу, передают пресловутый стаканчик с газировкой раздора из рук в руки, не принимая отказа.

И пока я увлеченно убираю со столов пластиковую посуду и недоеденные скудные закуски, борясь с желанием бросить это все, плюнув на рабочие обязанности, и хоть раз уйти в пятницу вовремя, Тарелкин сдается.

Это, пожалуй, стоит запечатлеть для потомков. Его. Не моих.

Трезвенника споили.

Лидочка Сергеевна что-то быстро тараторит, усаживая босса в его кресло и подсовывает ему еще один стакан. Они в кабинете остаются одни, если не считать моей невидимой персоны, и начинаются разговоры за жизнь. Если бы этой женщине не стукнуло только что полтинник, а босс не был мужчиной в самом расцвете сил и пресса, я бы подумала, что у них роман.

Правда. Эти двои как голубки неразлучники. И я все никак не разгадаю тайну, как так вышло и почему. Который год разгадываю.

Выношу мусорный пакет в приемную, оставляя неразлучников прямо посреди темы: вы же меня уважаете, Юрий Сер-

геевич? И третьего стакана в его руках.

Шустрая женщина.

– Чё, скоро ты? – уминая конфеты из открытой коробки у меня на столе, интересуется Лиза.

– Да кто его знает! – хватаю конфетку, пока все не утонуло в проворном рту моей подруженции. – О, боги! – морщусь я. – Они с чем?

– Виски, – расплывается в улыбке коварная женщина.

– Матерь божья, – выдыхаю. Реально, виски. Жесткий.

– Попробуй вот эту, – пока я не очухалась, пихает мне в рот еще одну.

– Отдает кактусом каким-то, – морщусь, когда очередной маленький огненный ручеек прокатывается по языку.

– Это Джинн. Прикольные конфетки. Это кто тебе такое подогнал?

– Догадайся, – фыркаю я.

– Опять шпендель твой активизировался? – смеется подруга.

Я отмахиваюсь и громко цокаю. Хрен с ним. Проще уже просто игнорировать. А конфеты реально вкусные. Закидываю еще одну в рот и начинаю пританцовывать на месте.

Блин, точно! Нужно пойти танцевать!

– Нам нужно пойти в клуб! – хватаю Лизу за руки, охваченная гениальной идеей.

– Ты меня слегка пугаешь, – смеется подруга. – Но: да! Наконец-то оторвемся!

Лиза закручивает меня вокруг себя в импровизационном танце, мы громко хохочем и пытаемся изобразить немислимые па. Блин, какое настроение классное.

Этому, конечно, поспособствовала и пятница на календаре, и щедро отсыпанная начальником премия, и танцующие в желудке виноградинки, затопленные шампанским. Сейчас уберу кабинет и...

– Софья! – гремит из кабинета.

Даже раздражающая тяга Тарелкина к моему имени не портит мне настроения.

– На созвоне, короч, – кидаю подруге и бегу обратно в кабинете. Слегка не вписываясь в дверь.

Упс.

Потирая плечо, встретившееся с косяком, вырастаю перед начальником. Виноградинки пошли бродить.

– Из "СтройОпта" еще не пришли? – выглядывая из-за макушки словоохотливого эйчара, спрашивает Тарелкин.

Мне требуется долгая секунда паники, чтобы понять, о чем он вообще говорит. И дело тут не только в алкоголе, который снижает мои умственные способности, но и в том, что я реально впервые слышу об этом. Но потом я считываю его многозначительный взгляд и, взяв себя в руки, отвечаю с максимальной серьезностью:

– Пока нет.

– Проводи их ко мне сразу же, – рвано бросает мне и снова обращает свой взор на юбиляршу. – Простите, работа. А вы

отдыхайте, Лидия Сергеевна, хорошо вам отпраздновать в кругу семьи.

И так филигранно разворачивает ее на выход...

Все-таки Тарелкин гениальный переговорщик. Хоть и с явной склонностью к тирании.

Пока Лидочка Сергеевна нехотя выпроваживается, я возобновляю уборку. Сгружаю остатки былой роскоши со стола в очередной мусорный пакет и иду в приват комнату начальника, чтобы намочить тряпочку. То, что у него отдельный санузел и комната отдыха, конечно, тоже красный флажок. Настолько у него раздутое эго, что в один сортир с работягами ни ногой.

Но за столько лет к странностям начальника я не то, что привыкла. Я с ними срослась.

– Спасибо, – благодарит начальник, со вздохом опускаясь в кресло.

То ли за мои гениальные навыки уборки, то ли за содействие в его рискованной игре. Скорее за второе, за элементарное выполнение обязанностей он благодарностями не рассыпается.

Я киваю, натирая столешницу перед шефом.

Все липкое писец.

– Слава богу встречу перенесли на понедельник, – расслабляя отвратительный галстук – моих рук дело – выдыхает Тарелкин. – Четыре года не пил, – касается лица ладонью и крепко сжимает глаза.

– Лидия Сергеевна умеет уговаривать, – усмехаюсь.

Она меня раз шесть от увольнения отговаривала.

– Курить хочется, – зачем-то сообщает мне эту информацию.

Не знала, что шеф подвержен этой пагубной привычке. Хорошо скрывается.

– У тебя есть?

– Я не курю и никогда не пробовала, – категорично обрубаю его, продолжая оттирать липкую газировку с деревянной поверхности.

– Ну конечно, – бросает насмешливо и встает с места.

Еще один безупречно отточенный навык Тарелкина: он умеет одной лишь интонацией всю тебя вздернуть и завести. Не в лучшем смысле.

Вот сейчас, чтобы он не имел в виду – то, что я слишком правильная для таких вещей, или то, что я ему вру, – меня взбесило. Потому что и то, и то – неправда. Просто я всегда была осознанная. Немного вина – ок. Сигареты – нет. Целоваться на первом свидании – допустимо. Лезть к мужику в трусы – моветон. С четкими моральными ценностями и принципами жизнь дается куда легче.

– Черт, точно же были где-то здесь, – грохочет у меня за спиной.

Я оборачиваюсь, чтобы увидеть, как всегда идеально собранный начальник, согнувшись в три погибели, копается в книжном шкафу. Его пиджак отброшен на спинку ближай-

шего стула, а рубашка крепко натягивается на напряженных плечах. То, что начальник непозволительно хорош для своего возраста, я заметила недавно. Магия отсутствия обручального кольца. Не иначе.

И затяжная голодовка по мужику. Пора сосредоточится не только на работе, но и на личной жизни. Хотя бы завести парня выходного дня.

– Наконец, – облегченно выдыхает он.

Вытаскивает, очевидно припрятанную когда-то пачку сигарет, и разворачивается ко мне. Опирается на шкаф позади, скрещивает ноги и отработанным движением выбивает из памяти пачки сигарету. Зажимает ее во рту и берется за зажигалку, вылетевшую из той же пачки.

Он же не...

Будет. Да, он закуривает в собственном кабинете. Огонь.

Я не в силах отвести глаз от картинки саморазрушения человека. Это как один из хорроров, которые мне так нравятся: закручивают внутри вихрь из эмоций. Адреналин, ужас, предвкушение. Наконец, идеальный во всех отношениях человек показывает свою темную сторону.

Зажав тлеющую сигарету в зубах, Юрий Константинович закатывает рукава рубашки, не сводя с меня ответного взгляда. Затем снова обхватывает ее пальцами и делает глубокую затяжку.

– Поэтому бросил пить. Алкоголь вытаскивает все пороки, – стряхивая пепел прямо на пол, рассказывает шеф. –

Когда выпью, всегда тянет курить и... – многозначительно замолкает.

Неуютно.

Особенно от его насквозь прожигающего взгляда, пока кончик сигареты, зажатой в его рту, медленно тлеет красноватым маячком.

– Танцевать? – подкидываю забавный вариант, способный снять нависшее от его взгляда напряжение в воздухе.

Дурацкая эмпатия. Вечно перетряхивает меня эмоциями чужих людей.

Хватаю один из пластиковых стаканчиков с плещущимся на дне шампанским со стола генерального и подношу его к безобразно опьяневшему от пары тройки стаканов начальнику. Вместо пепельницы.

У него совершенно шальной взгляд. Новенький в коллекцию.

– Ага, – очередная затычка и прожигающий меня до костей взгляд. – Танцевать, – выдыхает он вместе с дымом. Глухо и хрипло. Щекоча мою нервную систему.

Я подошла слишком близко.

Странно, у него сейчас такая энергетика... Словно стоишь у огня. Близко-близко. Незнакомое ощущение, вызывающее тревожное чувство. Волоски на коже взбудоражено приподнимаются.

Ставлю стаканчик на столешницу рядом с ним и делаю шаг назад, чтобы сбросить этот странный жар, окутавший,

стоило вступить в зону комфорта чужого человека. И потираю предплечья, чтобы скинуть странный озноб.

Жар и озноб вместе. Сюр какой-то. Может, я заболеваю?

– Вы в курсе, что ваш кабинет не проветривается? – спрашиваю серьезно.

Роль строгой, все держащей под контролем помощницы руководителя мне куда привычнее, чем поддакивающей секретарши.

– Идиотские многоэтажные офисы с не открывающимися окнами, – хмыкает Тарелкин, стряхивая пепел в заботливо поднесенный мной стаканчик. На секунду отводит свой адовый взгляд и снова возвращает его ко мне. Чтобы пригвоздить к месту, как заклинатель змею. Но ядом я еще плевать могу.

– Надо было к комнате отдыха сразу планировать курилку, или вам нравится ныкаться, как мальчишки за гаражами?

– И в кого ты такая язва? – тычет в меня двумя пальцами с зажатой между ними сигаретой и прищуривается.

– В маму, – отгоняю от себя дым ладонью.

– Явно в детстве не наказывали, – очередная усмешка. Сигарета тонет на дне стаканчика с недопитым шампанским. Руки привычно опускаются в карманы брюк.

– Вы разве не в курсе? Атеисты ни во что не верят. Даже в наказания, – скрещиваю руки на груди.

– Не знал. Неужели вообще ни во что? – отталкивается от книжного шкафа и делает вальяжный шаг ко мне.

– Только в труд и собственные мозги, – вылетает из меня приглушенное, руки сами собой расплетаются, повисая по бокам.

Я чувствую странную слабость, накатившую волной. Судорожно глотаю воздух, словно его становится меньше. И чувствую, как замираю, словно оцепенев.

Не понимаю, что со мной такое. Что с этим чертовым душным офисом с не открывающимися окнами и этим чертовым Тарелкиным, не похожим на себя.

Сердцебиение какого-то дьявола заходится в диком припадке.

Как от выброса ударной дозы адреналина.

– Этого у тебя не отнять. Мама хорошо воспитала, – хрипит он. – Но иногда так хочется дать по губам, Софья.

Его острый взгляд падает на мой рот, и губы тут же вспыхивают жаром и начинают пульсировать.

Мое имя из уст начальника впервые звучит совсем по-другому. Когда два года ты слышишь исключительно требовательный зов, значимость имени стирается, пропадает то ощущение интимности, которое ты от него ждешь. Но сейчас...

Это прозвучало достаточно интимно. Взывая к сумасшедшей волне дрожи, поднимающейся снизу живота.

Нет, я не танцевать сейчас хочу. Совсем нет. И он говорил не про танцы. Боже, какая же я глупая становлюсь, когда выпью.

Дурацкие виноградинки.

Я, конечно, во всем виню их.

И в том, что я замерла в минутной тишине, раскаленной словно воздух перед грозой. И в том, что даже не испугалась, когда человек напротив сделал ко мне решительный шаг, сменяя всю зону комфорта, словно фантик от съеденной конфеты. И особенно в том, что ни грамма не сопротивлялась, когда властная мужская рука сжала мой затылок, а требовательный рот накрыл мой собственный.

Это был тот самый финал фильма ужасов: сердце подкакивает к горлу и барабанит там, обезумевшее от адреналина. Внутренности скручивает узлом, а ладони потеют. Но стоит понять, что опасности никакой нет, напряжение с тела уходит, в кровь выплескивается дофамин и все ощущения обостряются, вытравливая из головы любые мысли.

Кроме одной: да. Это хорошо.

Рука, крепко фиксирующая шею – хорошо. Топкий жар языка, прокатывающийся по моему – хорошо. Рваный мужской выдох, опаляющий щеку – хорошо. Очень, очень хорошо.

Я судорожно пытаюсь втянуть воздух, потому что, каюсь, забыла, что нужно дышать. Об этом напомнил лишь горьковатый привкус на языке, след дурной привычки человека, сминающего мой рот в требовательной потребности. Руки сами собой взлетают вверх, чтобы опуститься на мужские плечи в поисках опоры. Горячие и крепкие, как скала. Сно-

сящее с ног ощущение.

Еще. Хочу еще.

Но мое нечаянное касание вызывает обратный эффект: мой начальник, человек, доводящий меня до истерики по расписанию, тот, чье имя я даже боюсь называть вслух, чтобы ненароком не проклясть – отстраняется. И две затягивающие бездны – его глаза-хамелеоны – впиваются в мои.

Секунды растягиваются в долгое нечто.

Кажется, каждый из нас пытается осознать, что же сейчас произошло. Но лично моя голова девственно пуста. Впервые за очень долгое время.

Мужская ладонь, еще пахнущая дымом недавней сигареты, взмывает вверх, чтобы очертить пальцами линию скул, подбородка, коснуться уголка губ. Мой рот распаивается, выпуская скопившееся напряжение с легким выдохом. Глаза-бездны впиваются это мимолетное движение, чтобы через секунду вновь пронзить мои собственные до самой пиковой точки. Мужской кадык дергается, словно от обезвоживания. Я не в силах сглотнуть.

Томление достигает такого уровня, что воздух вокруг звенит. Нервы лопаются, словно пронзенные выпущенной стрелой. Меня примагничивает к мужскому телу – это я делаю смелый шаг, пока голова не успела очнуться. Мне это нужно. Тело кричит.

– Уверена? – уже у самого рта, интересуется низкий вибрирующий на поверхности кожи голос.

Но вместо ответа – лишь мой поцелуй.

Я смело нахожу мужской рот, выгибаю спину, царапаю плечи. Меня неконтролируемо трясет. Подбрасывает вверх, чтобы потом опустить на холодное и жесткое. «Это стол» – проносится на краю сознания. Сзади в бедро что-то впивается, может ручка, ну и черт с ней. Между колен вклинивается крепкое тело, сильные руки властно сжимают талию, бродят по бедрам, задирают юбку, чтобы удобнее устроиться, впать мое тело в свое до полного растворения. Горячие пальцы удивительно ловко пробираются под белую блузку, сжимают грудь, ныряют за гладкую ткань белья.

Лихорадка распространяется с дикой скоростью, сжигая легкие, горло, каждый миллиметр чувствительной кожи. Огромный кабинет генерального заполняют наши громкие вдохи и выдохи.

Единственная мысль, скорым поездом проносится в голове: это совсем не я. Грязная, жадная и порочная. Но, боже, как же мне этого хочется. Я не в силах притормозить.

Всего вокруг становится больше: звуков, жара, вкуса во рту. Меня снова подбрасывает вверх, переворачивает в уверенных мужских руках и вот я уже впиваюсь взглядом в компьютер начальника, живот пронзает холодом столешницы, угол стола впивается в тазовые косточки. Бедра обвеивает прохладой: плотная ткань юбки бесстыдно ползет вверх.

Немыслимо.

Мы делаем это.

С Тарелкиным.

Глава 7.

Да что вы знаете о неловкости?

Да что я знала о неловкости до этого момента?

Мой максимум – криво нарисованная стрелка и оговорочка по Фрейду, когда диплом зачитывала веренице из преподавательской комиссии. Но сидеть на столе начальника, застегивая пуговицы на рубашке, пока он натягивает штаны... Поистине грандиозный уровень.

Повисшую тишину можно ножом резать. А потом воткнуть его мне в грудь, потому что я не представляю, как из всего этого теперь выпутываться.

Именно такого жирного косяка я всю жизнь пыталась избежать. И все же попалась.

– Ну вот, теперь стол снова протирать, – вырывается из меня дурацкая попытка сгладить неловкость.

Хотя как тут сгладишь ТАКОЕ? Дурацкий рот, ляпающий что попало от нервозности.

– Софья, – выдыхает с нервным смешком босс.

Тот самый, что ещё минуту назад мне синяки на бедрах своими сумасшедшими пальцами организовывал.

Боже.

Меня до сих пор потряхивает.

Тарелкин же выдыхает и запрокидывает голову вверх,

нервно ероша собственную шевелюру теми самыми пальцами. Да, потолок в его кабинете – произведение искусства. Нигде такого нет, только в каждом офисе мира. Ко мне не поворачивается. То ли по-джентльменски дает привести себя в порядок, то ли физически не может теперь на меня смотреть.

– Так что, мне следует здесь убрать, а потом писать заявление? – поправляя наспех застегнутую рубашку, интересуюсь у его спины.

И моему хладнокровно легкомысленному тону позабывает любая портовая... Женщина низкой социальной ответственности. Уровень: богиня.

– Если ты не рассчитываешь на продолжение, – хрипло выдыхает Тарелкин, все ещё не поворачиваясь ко мне лицом. Сейчас его весьма занимают собственные запонки. – Можешь остаться.

– Если Вы ни на что не рассчитываете, – громко фыркаю я. – То я останусь.

Всё-таки остаться сверху в разговоре – мой единственный шанс сохранить достоинство. Потому что совсем недавно я была жёстко под ним. И совершенно немислимо дать ему снова оказаться сверху даже в разговоре. Просто ниже моего достоинства.

– В понедельник нужно прийти пораньше и подготовить переговорку, – как ни в чем не бывало роняет босс. – Я назначил встречу мерчендайзеров на девять, – наконец оборачивается ко мне. Бросает осторожный взгляд, будто не он

сейчас на коне, застегивая дурацкую неподдающуюся запонку на рукаве. А уже через секунду заправляет руки в карманы брюк, выпрямляется, становясь будто выше и шире, и впиивается в меня фирменным проверяющим нервную систему оппонента взглядом.

– Поняла, – соскакиваю с холодной столешницы и разворачиваюсь на выход.

Этот взгляд я выдержать не в силах. Не сегодня.

– До свидания, Юрий Константинович, – бросаю уже у двери.

– До свидания, Софья.

Хриплое прощание отзывается повторным спазмом внизу живота. Я сломалась. Теперь такой отклик будет всегда?

Отвратительно.

Знаю, что самая верная реакция сейчас – самобичевание. Но какого-то черта, всю дорогу до дома я тупо ловлю флешбэки вечера. Раскаленные губы, скользящие по плечу, рука, сжимающая шею, громкие шлепки. И собственный стон, смешанный со сдержанным мужским.

Волна возбуждения прокатывается по все ещё разгоряченной коже. Вновь и вновь. Трусы хоть выжимай.

До мозга просто все ещё не дошло, что и с кем я творила. Но следующее утро все расставляет по местам.

Тут тебе и самобичевание, и ненависть к себе, и даже трусливое желание проявить слабость и уволиться дистанционно. Отличный план я считаю.

И даже посвящая субботу тому, чтобы, не вылезая из кокона одеяла, проштудировать рынок вакансий.

Но вот тебе, Сонечка, сюрприз: такой зарплаты, как платит тебе деспот, никто предложить не может. Даже на аналогичной должности помощника руководителя. Не то, что каким-нибудь младшим экономистом по специальности.

Щедрый засранец.

Сделал все, чтобы не потерять единственного работника, готового терпеть его несносный характер.

А потом разложил на столе. Как свою бывшую.

На том же самом столе, Господи.

Хуже не придумаешь.

Не будь стены такими тонкими, что слышно, как чихает соседский кот – прооралась бы от души. А так, идиотский плюшевый медведь, так и не сыскавший другого владельца – мой единственный способ сбросить это давящее на грудь напряжение. Интересно, можно задушиться медведем?

Тоже неплохой способ избежать неизбежной встречи с начальником.

Я утыкаю в мягкое синтетическое пузо лицо и кричу. Долго. Пока мой крик не сливается с динамичной мелодией рингтона. Сеанс крикотерапии приходится отложить. Я тянусь за телефоном, оставленным на полу под кроватью и, откинув с лица волосы, вглядываюсь в экран.

Лиза.

Черт.

Вчера весь вечер игнорировала ее звонки. Но час расплаты пришел.

– Алло, – отвечаю хрипло.

– Я тебя ненавижу, – с ходу набрасывается на меня подруга. – Провести весь вечер пятницы дома! Из-за тебя! Еще и трубку не поднимала, зараза!

На заднем фоне у нее что-то скрежещет, я морщусь от отвратительных звуков и слегка от повышенного голоса подруги.

– А ты себя нормально чувствуешь? – переключаю ее безудержный фонтан слов. – Мне видимо конфетки не пошли. Весь вечер как в тумане.

Отличное оправдание. Это точно злополучные конфеты. Чертов Виталик во всем виноват!

– А-а-а, – понимающе тянет Лизка. – Тогда ладно. Ты прощена. Энтеросгель тебе привести?

За одно только это мгновенное переключение с ора на сочувствие можно ее обожать. А легкое чувство вины от невинной лжи я, пожалуй, оставлю себе. В моей копилке эмоций это незначительная капля.

– У меня есть.

– А голос такой, словно нет.

У меня голос такой, словно меня вчера начальник в прямом смысле поймел. Очень качественно. И без единого с моей стороны возражения.

Все же Тарелкин... очень хорош.

Не смотря на отвратительные обстоятельства и ужасающие последствия, это был лучший секс в моей жизни. Просто охренительный.

И теперь за него надо платить. Как за все охренительное в этой жизни.

– ... и воду пей, – продолжает тараторить в трубку Лиза, пока я занята разгоном мурашек на своих руках от невовремя нахлынувших воспоминаний. – Сейчас еще бабушке позвоню, спрошу, что еще пропить надо. Она все время мне втирает про абсорбенты какие-то. Во, пригодилось!

– Это и есть Энтеросгель, – пытаюсь притормозить ее.

– А, да? Ну я все равно спрошу. Перезвоню тебе потом. Часа через три. Лекцию о вреде алкоголя в исполнении бабули никто не отменял. На что я ради тебя иду! – следует тяжкий вздох, а затем звонок обрывается.

То, что я ее и не прошу о такой жертве, ожидаемо игнорируется. Лиза она из тех самоотверженных людей, которые всегда во все вписываются. Сами и без просьб. Ее легкости в жизни позавидует любой. Я завидую постоянно. Она ни за что не попала бы в такую ситуацию, а если бы и попала – ни за что не стала страдать. Сделала вид, что ничего особенного и не произошло.

И, пожалуй, впервые в жизни я всерьез думаю последовать ее примеру.

Нужно просто убедить свой идиотский мозг, что ничего особенного и не произошло. Самовнушение – великая вещь.

Я справлюсь.

Глава 8.

Тарелкин

Она входит в кабинет с ноги. Условно, но ощущается это именно так.

Дерзкая девчонка. И что мне с ней делать?

Привычный стук каблуков прокатывается по нервным окончаниям и оседает в паху. И как бы я ни говорил себе, что это неправильная реакция, чертово сознание не отвечает на призыв.

На те же грабли, дьявол.

– Переговорка готова, буклеты Лиза сейчас принесет, мерчи уже собираются. Вам кофе сделать? – выпалив список проделанной работы из пунктов, записанных у нее в телефоне, наконец, поднимает на меня взгляд.

Это первая встреча наших глаз с той злополучной пьяной пятницы.

Подумать только, если бы в тот день я не отдал машину в ремонт...

– Да, сделай кофе на всех и принеси в переговорку, – я вглядываюсь в спокойное лицо своей помощницы, читая последствия, которые принесет тот роковой вечер.

Себя я уже во всем обвинил, винит ли она?

Меньше всего мне сейчас нужно терять отличную помощ-

ницу из-за собственной несдержанности.

Но Софья, как всегда, удивляет. Ее сосредоточенный взгляд не выражает ничего. Ничего от неловкости, что я ожидал, или затравленности на дне темных глаз из-за сожаления о случившемся.

Умная взрослая не по годам девочка.

Сексуальная умная девочка. В очередной невозможно короткой юбке.

Я же не железный, боже.

– Планерку перенесла? – поднимаюсь из-за стола и собираю со стола вещи для совещания.

– Да, на два.

Особо ценное качество в Софье – умение самостоятельно принимать решения, без моего включения. Не все обладают стратегическим мышлением и способны сами состыковать такие элементарные на мой взгляд вещи, как назначенное совещание с мерчандайзерами и необходимость перенести еженедельную девятичасовую планерку, в связи с этим. Но с появлением хорошей помощницы я больше не беспокоюсь о таких организационных мелочах, высвобождая время для действительно важных задач.

Я просто не могу ее лишиться.

– Обед сегодня не заказывай, я уеду, – отдаю последнее распоряжение и выхожу из кабинета.

Шагая мимо Софьи, ловлю знакомый едва уловимый запах весенних цветов. Этот чертов запах устроил мне адскую

ночку с пятницы на субботу. Кажется, он забрался под кожу и теперь живет там.

Реакцию тела удастся усмирить только благодаря переключению на более важную задачу: квартальная встреча с мерчандайзерами.

В переговорке привычно многолюдно и шумно, но, стоит мне зайти, наступает гробовая тишина. Магия имиджа. А еще здесь до чертиков душно, дорогущая сплит-система, за которую я отвалил столько денег, справляется из рук вон плохо. Нужно озадачить Софью с ними разобраться.

Прохожу на свое место, стягиваю тесный пиджак и располагаю его на спинке стула.

– Доброе утро, – тихо приветствую собравшихся и получаю нестройный гул голосов в ответ. – Приступим? – опускаюсь в кресло и раскрываю блокнот.

Сегодня буду жестить. Судя по сгустившейся атмосфере это чувствует каждый.

– На выходных проехался по основным торговым точкам... – потому что бессонница задрала. – Интересная картина вырисовывается.

Подаюсь вперед, упираюсь локтями в столешницу и скрещиваю пальцы на уровне лица. Это ментальное оружие. Минута выдержанной тишины порой дает больше слов. Но сегодня мой грозный инструмент разбивается о громко распахнутую дверь.

Ах да, кофе.

Софья вкатывает тележку с чашками, давая собравшимся выдохнуть. Казнь откладывается. Я снова откидываюсь в кресле, взгляд приковывается к стройной гибкой фигуре.

И все-таки она меня погубит. Не думать о ней, как о сексуальном объекте, было очень просто, пока мы не перешли эту грань. Теперь – невозможно. Как забыть ее низкий стон и по кошачьи выгнутую спину? А цепкие пальчики, оставляющие отметины на шее и спине? Я не святоша, но такое вытворял впервые.

Даже Юле никогда не удавалось опорочить мой кабинет до конца. Бывшая жена знала много приемчиков, на которые я с радостью клевал, но на работе главной всегда оставалась работа.

А теперь...

Софья с легкостью огибает длинный стол и, раздавая присутствующим весьма редкую на ее губах улыбку, продвигается прямо ко мне.

Тонка и звонкая. На нее все время хочется смотреть.

Черт.

– Без сахара, – ставит передо мной чашку, мгновенно вбивая в легкие свой запах.

Гребанный ландыш, замешанный с мать-и-мачехой, оседает в легких, стрелой пробивая позвонки острой иглой. Если так продолжится, то отвлекающий фактор станет критическим.

Нельзя.

– Двойные сливки, – продвигается дальше по правую сторону от меня.

– Спасибо, Сонечка, – рассыпается в любезностях Киреев. Его кривая улыбка действует на нервы. Вот с него сегодня и начнем порку.

– Вам с заменителем сахара, Игорь Александрович, – говорит следующему, выставляя чашку. – Как ваш уровень глюкозы? Следите? – интересуется строго, словно его лечащий врач.

Астафьев нелепо теряется под ее суровым взглядом и только рассыпается в благодарностях, сливаясь с темы. Судя по его растущему объему, следит за его глюкозой только Софья.

Я еле сдерживаю улыбку.

Маленькая, но грозная. Вполне может удержать эту шайку безалаберных идиотов одним только взглядом.

Пока Софья продвигается полукругом вдоль стола, я берусь за кофе, только надеясь, что она в него не наплевала. Каждый новый глоток – риск. Я бы на ее месте давно расправился с собой таким способом. Особенно после произошедшего инцидента.

Наверное, я подобрал не лучшие слова, чтобы тогда с ней объясниться... Но какие слова были бы правильными?

«Я уже наступал в эти грабли, там больно?»

«Это не должно повториться тебе же во благо?»

Все звучит убого до мерзости.

Горечь привычно прокатывается по языку, глуша фантомный вкус сигарет во рту. Отголосок того вечера. Еще одна маленькая слабость, которая затягивает в себя пока не сдашься или не сдохнешь.

Увлеченные размышления прерывает звон упавшей ложки. Софья приседает ее поднять, собирая на себе все взгляды.

Идиотская короткая юбка.

Сколько раз говорил ей, что рабочее пространство не место для сексуализации. Но упрямая девчонка будто на зло мне каждый раз одевается все более вычурно.

Чертов цирк пора заканчивать.

– Итак, коллеги, вернемся к нашим баранам. Когда вы в последний раз открывали методичку по размещению POS-материалов?

Мой голос прокатывается по маленькому помещению, миг отрезвляя присутствующих и переключая их нервные взгляды на меня.

Софья в два счета заканчивает обход и незаметно исчезает из переговорки, пока я не вошел в раж.

Она знает, что сейчас полетят головы. И благоразумно предпочитает при этом не присутствовать.

Совещание меня выматывает.

Духота, двойная порция черного кофе и трижды мелькающая в перерывах короткая юбка – больше, чем я сегодня мог осилить. Разгоревшееся раздражение удалось слить на

бестолковых мерчандайзеров. Но что делать с взведенной до выстрела в голову нервной системой – все еще не понятно.

Чертовски хочется снова курить, пить и... забыться. Как же это было кайфово. На один вечер снять все тормоза.

Адово колесо проснувшейся жажды закрутилось и забирает на себя весь фокус внимания. Так не вовремя. Работы и проблем – до хрена. А в голове одни только голые плечи и закрученные вокруг меня ноги.

– Забери, я сказала, свой веник. Сколько можно уже, а?

Усталый и раздраженный голос помощницы слышен издалека. В приемной разворачивается какая-то драма.

– Ну Соня, – почти хнычет мелкий пацан в знакомой фирменной куртке. Частый гость у нас.

Я прислоняюсь к стене и украдкой наблюдая за разыгравшейся сценой.

– Это было последнее китайское предупреждение, Виталик, – шипит Софья. Настоящая разъяренная кошка, даже волосы будто дыбом.

Охрененная.

И с миллионом факторов «запрещено».

Слишком молода, слишком хороша, слишком нужна.

– Я тебя предупреждала, что, если не отстанешь, я позволю в вашу фирму? Предупреждала! – хватается за телефон.

– Ну что ты за коза такая! – бушует паренек.

А вот это уже за гранью. Отлепляюсь от стены с целью проучить мелкого паршивца, оттаскав за уши, но не успеваю.

Пацаненку прилетает славная оплеуха.

Да такой силы, что кепка с головы слетает.

Моя девочка.

– Упертый, как баран, глухой, еще и слова подбирать не умеешь. Фу, Виталик, ты меня совсем разочаровал. Вали-ка ты отсюда, пока тебя выгоняю я, а не злой дядя сзади, – кивает головой на меня.

Значит, заметила.

Время вступить, хоть в защите она и не нуждается.

Паренек оборачивается и при виде меня слегка уменьшится в размере. Хотя куда уже меньше. Детский сад, ясельная группа. Хотя Софья не сильно далека от этой же возрастной группы. Я просто все время об этом забываю.

Мальчишка стаскивает с секретарской стойки цветы, которые притащил, и по стеночке продвигается на выход.

– И в фирму твою я позвоню! – кричит Софья ему в спину.

Обезоружен и уничтожен.

– Козел, – шипит себе под нос, принимаясь гневно раскидывать почту на столе.

Кошка, как есть.

– И часто такие сцены? – интересуюсь, останавливаясь у дверей в свой кабинет.

– К сожалению, частенько. Но я сейчас наберу эту курьерскую службу и избавлюсь от Балабола Виталика навсегда. Иначе мы начнем сотрудничать с другой фирмой, – гневно выплевывает, хватаясь за телефон, и быстро набирает номер

по памяти.

Она закусывает щеку изнутри и нервно постукивает ножкой, пока ждет ответ с той стороны из зажатой между плечом и ухом трубки. Я давлю улыбку и ухожу в свой кабинет. Какие, однако, страсти творятся у моего секретаря.

Иногда забывается, что весь ее мир не крутится вокруг меня.

Даю ей несколько минут остыть, а себе выдохнуть, и привычно зову в кабинет.

– Софья!

Знаю, проще нажать кнопочку на селекторе, но по-мальчишечьи не могу устоять от провокации. Это превратилось в некую игру. Интересно же, сколько еще она будет терпеть?

Пышущая раздражением помощница как всегда дерзко входит в кабинет. Поправляет злополучную юбку на бедрах и выпрямляется как солдат в ожидании приказа. У нее чертовски красивые ноги.

– Обед все же закажи, я передумал, – говорю, наблюдая за сменяющимися на ее лице эмоциями.

– Это все? – интонация передает то, как ей хочется закатить глаза и цокнуть.

Уверен, едкий комментарий крутится на остром язычке. Ноздри уже раздуваются от глубокого глотка воздуха, челюсть сжата, грудь...

А впрочем, туда смотреть не стоит, ладонь все еще хранит тактильное ощущение от прикосновения к ней. Это нужно

вытравить из головы пока не поздно.

Несколько секунд в задумчивости держу паузу. Софья держит лицо. Забавная. Но когда-то же рванет. Я знаю, сколько огня спрятано за этой показной хладнокровностью. И в предвкушении взрыва.

– Еще свяжись с фирмой, которая устанавливала нам сплит-систему. Говно какое-то вышло. Или пусть приходят и настраивают, или возвращают деньги.

– Окей, – стучит пальцами по экрану.

– И забронируй столик в «Честере» на семь часов.

– На сколько человек? – интересуется, не отрываясь от экрана.

Смешно сдвигает брови. До маленькой складочки, совсем не придающей ей возраста. Боже, сколько же ей сейчас лет? Как низко я опустился?

– На четверых, ты и твой калькулятор едете со мной.

А теперь брови изгибаются в удивлении. Острый взгляд стреляет в меня.

Я уже убит, девочка. Бесполезно стараться.

– Калькулятора нет, – произносит твердо. Словно убеждает меня в чем-то. – Потеряла.

– Воспользуемся телефоном.

– Мне кажется это... – говорит, растерянно опуская руки с зажатым телефоном. – Не совсем... – поджимает губы и упирает взгляд в пол.

Раздумывает, как подобрать слова.

Я молчу, ожидая того, что крутится у нее на языке.

Странно? Неловко? Неудобно после всего, что было?

Я и сам все это понимаю. Но очень важно сохранить прежний ритм работы, иначе все окончательно пойдет наперекосяк. А пока что есть шанс выйти из этой аварии с парой царапин.

От коварных маленьких пальчиков.

– Ладно, – будто внутренне собираясь, подводит черту под собственными мыслями Софья. – Поняла, – кивает. – Это все?

– Да.

Круто разворачивается и направляется на выход. Переступая порог, шумно выдыхает и выдает крепкое словцо.

Я усмехаюсь и не сдерживаю больше широкой улыбки. Глупая, думает, за порогом не считается? Или рассчитывает, что я не услышу?

Да, она очень старается спрятать бушующее в ней пламя, но я уже в курсе, как оно горячо. Сам не осознавал, пока не прикоснулся ненароком, обжигая пальцы и гортань.

Дерзкая девчонка. Что же мне с тобой теперь делать?

Глава 9.

Софья

План был дерьмо.

Я собрала себя из кусочков самоуничужения, самобичевания, страданий и гнева в одно целое. Натянула на это целое бесстрастное лицо и запретила себе трусливо дрожать.

И что же?

Меняхватило на полчаса.

Полчаса продуктивной работы, отсутствия мысленных оплеух и желания сдать в отдел кадров с листочком А4. А потом мне пришлось встретиться с этим взглядом.

В глубине черных дыр ничего не поменялось: пустота, отстраненность, равнодушие. И это пока я мечтаю выдрать себя из кожи и хорошенько встряхнуть. Бесчувственный тиран. Конечно, для него такие развлечения не в новинку, очередная веселая пятница с очередной удобной секретаршей.

Господи, как перестать чувствовать себя до отвратительности распутной после всего случившегося?

Ответ очевиден: только сохранив лицо.

И не наступая на эти грабли дважды.

Если это никогда больше не повторится, то все можно списать на одноразовую глупость и потом просто вспоминать, как приключение шальной молодости. Их у меня не много, а

эта история вполне подойдет для воспоминаний в глубокой старости, от которых расцветает улыбка на морщинистых губах. И может даже сохранится фантомное ощущение тех мурашек, которые так бесстыдно захватывают меня сейчас, стоит бросить взгляд на тот стол.

Тот чертов стол.

Но есть и совсем идеальный вариант: убедить саму себя, а значит и всех, кого эта история касается, что для меня это действительно ничего не значит. Что получать удовольствие в моменте и потом не жалеть – нормально. И что это ничего не меняет.

Аминь.

Аутотренинг помогает настолько, что рабочий день, начавшийся, как третий круг на Американских горках, к обеду выравнивается до Колеса обозрения. Мы пересеклись в тесном кабинете, потом на совещании и еще дважды в коридоре, но я так и не провалилась на месте и не умерла от поразившей меня молнии. Тарелкин общается как всегда, в его голосе не появилось ни надменного мужского превосходства, ни пренебрежительности по отношению к легкодоступной девице.

Зря я ожидала от него худшего.

Но во всем виновата та его идиотская фраза, чтобы я не рассчитывала на большее. Неужели я реально похожа на ту, что станет обхаживать начальника, надеясь на теплое местечко? За столько лет мог бы и понять, что я совсем не из

этой категории.

Но легкие обидки на начальника исчезают в рабочей суеде.

От меня, как всегда, все хотят всё и сразу. Звонит телефон, горит кофемашина, сыплются письма. Еще и дурачок Виталик не вовремя со своим букетом. Я уже раз двадцать ему сказала, что не свободна, мне что, бутафорское кольцо на палец цеплять, чтобы он уже сдался? Несносный мальчишка.

Сегодня я настолько не настроена на милое воркование, что Виталик посылается далеко и надолго, получив от меня затрещину и угрозу, которую я тут же выполняю: оставляю на него жалобу и прошу заменить нам курьера.

Я терпела сколько могла.

И в суеде дел и событий я окончательно расслабляюсь. Все стабильно, мир не перевернулся с ног на голову, продолжаем работать.

А потом Тарелкин сообщает, что мы едем на очередную встречу.

И теперь мы оказываемся вдвоем в машине, воздух вокруг накален до степени медиум прожарки, а я дрожу, как последняя дурочка. Притворяться, что ничего не было, легко было только в своей голове и на расстоянии двух вытянутых рук. В тесном салоне даже такой большой, крутой тачки, как у Тарелкина, категорически невыносимо.

– Включить кондиционер? – интересуется босс, а я вздра-

гиваю.

Как идиотка.

Но его голос так близко, что режет каждый нерв.

– Можно открыть окно? – пересохшим ртом еле выговариваю я.

– Запах еще стоит? – невзначай спрашивает Юрий Константинович, нажимая волшебную кнопку, благодаря которой мое стекло ползет вниз.

Я не отвечаю, но нос практически высовываю наружу. Дело не в том запахе. Его уже давно нет. А вот запаха сигарет, которые босс вроде как бросил, слишком много. Это вызывает странную дрожь. Никогда не любила этот запах, а сейчас... Тоже не люблю. Но не люблю совсем по-другому. До спазма внизу живота.

– Наверное привык, – все же комментирует шеф.

Господи, дай мне выдержки пережить этот вечер.

Мы едем очень долго. Застреваем в пробке на проспекте, а потом со скоростью улитки ползем в потоке на кольцевой. Я пересчитываю все билборды по пути, а потом сама с собой играю в игру, сколько желтых машин проедет мимо. Все, лишь бы был повод не думать о смущающей близости мужчины, доведшего меня до оргазма прямо на рабочем столе.

Ресторан, в котором назначена встреча, оказывается за городом. К тому же частью целого комплекса.

Что мы тут делаем, боже?

Я выбираюсь из машины, едва Юрий Константинович

притормаживает. Просто больше не в силах сидеть с ним в такой близости. И дышать его запахом. Стою возле пассажирской двери, разглядывая верхушки деревьев, окружающих комплекс, в который мы приехали, пока Тарелкин закрывает окна, глушит двигатель и выбирается вслед за мной.

– Материалы взяла? – на ходу интересуется шеф.

Я молча приподнимаю папку в руках. Мог бы и не спрашивать. Когда я его подводила?

Мы идем в сторону входа, сохраняя до сюрса нелепую дистанцию. Между нашими плечами легко может влезть два тощих человека, а я по траектории скорее нацелилась на окно, чем дверь. Тело отказывается сокращать расстояние, словно боясь, что мы снова притянемся друг к другу и уже не разлепимся. Новая идиотская фобия.

– Добрый день, – нас встречает хостес: очередная девица совершенной красоты. Блондинка. Все, как шеф любит. – Вы бронировали?

– Да, стол на Тарелкина, – беру инициативу, шагая вперед. – Бронь была на 19:00, мы немного опоздали.

Девушка проверяет информацию на планшете, кивает и обращается ко мне:

– Вас уже ожидают, проходите.

Она проводит нас вглубь зала, а затем вереницей столов мы пробираемся к столику у окна. За ним, действительно, уже сидят двое представительных мужчин. Я уже привыкла оказываться в обществе пиджаков и не чувствую того сму-

щения, что раньше.

Прежде всего я помощница генерального. У меня тоже есть голос.

– Добрый день, прошу прощение за опоздание, собрали все пробки понедельника, – выступает вперед Тарелкин.

Протягивает руку для обмена приветственными чисто мужскими рукопожатиями, а затем поворачивается ко мне.

– Софья, моя помощница, – горячая ладонь оказывается на моей спине, вопреки моей воли.

Прожигает сквозь тонкую ткань блузки, подталкивает немного вперед. Ноги становятся ватными, а в груди тяжело. Это паническая атака?

– Здравствуйте, – говорю твердо, взяв под контроль немеющий язык.

И тут же опускаюсь на стул, заботливо отодвинутый одним из наших сегодняшних гостей.

– Благодарю, – улыбаюсь приятному молодому человеку.

В кои-то веке напротив не два пузатых дядьки. Молодые и приятные люди без масляных взглядов и пошлых шуточек.

Но приятность встречи затмевает тот факт, что начальник – великий и ужасный – снова занимает место рядом со мной.

И на мое колено опускается тяжелая ладонь.

Тело цепенеет. Грудная клетка наливается тяжестью, будто воздух перекрыли и мне не сделать и глотка. От лица отливает вся кровь и устремляется в то место, куда убежал пульс секундой раньше: в долбанное колено.

Что, мать его, Тарелкин делает?

Я успеваю задаться этим вопросом и еще миллиардом схожих, содержащих весь спектр ненормативных слов, что знаю, прежде чем опаляющая кожу ладонь исчезает. Столь же непринужденно, как появилась.

И я бы рада повернуть голову и задаться вопросом «какого хрена это было?». Но совершенно не в силах. Улыбка так и застыла на губах, а голова непроизвольно кивает, невербально поддерживая слова одного из мужчин напротив. Хотя, клянусь, я не слышу ни слова, что он говорит.

Сердцебиение, еще недавно ускокавшее вниз, теперь грохочет в ушах. Лицо затапливает жаром, как от резко хлынувшей крови. Наверное, у меня шалит давление. Рановато началось, но мама тоже страдала им с молодости. Может так я и появилась?

Не вовремя и не на того мужчину скакнуло.

– ... и, изучив рынок, поняли, что проще обратится к проверенному дистрибьютору, чем самим выходить на производителей, тем более, не имея опыта в этом и достоверной информации.

Я, наконец, включаюсь в разговор, пригрозив своему заблудившемуся в эмоциях мозгу, расправой. Накланяюсь вперед, облокотившись на стол, и внимательно вслушиваюсь в разговор. Но нить потеряна где-то в потоке слов, которые прошли мимо меня. О чем мы вообще говорим?

Зачем он положил на меня руку?

– Как я понял из нашего разговора, вы хотите заняться той же самой дистрибьюцией. Речь идет о субагентском договоре? – Тарелкин немного разъясняет ситуацию.

Так это встреча нужна не нам. Это нам предлагают сотрудничество. Интересно.

– Да, абсолютно верно. Заключаем договор на представительство, выкупаем у вас объемы и реализуем, как от прямого производителя уже в нашем городе.

Пока идет обсуждение условий намечающегося сотрудничества, рядом со столом бесшумно появляется официант, раскладывает перед нами меню и столь же незаметно, как появился, исчезает. Магия ниндзя.

Я устремляю взгляд на пластик перед собой, бездумно прохожусь по строчкам, но быстро понимаю, что есть совершенно не хочется. Это длится уже третий день, в стрессе я всегда лишаюсь чувства голода и пары килограмм. А еще я рассеяна и никак не соберусь. Обычно слушаю очень внимательно, чтобы не упустить ни единой детали, но сегодня мое не подводившее ни разу сознание собрало чемоданы и улетело в дальние дали. Туда, где мужские ладони прожигают тонкую ткань колготок, а потом сажают меня на стол и... Господи, что это за напасть! Никак не избавлюсь от этого чертова дискомфорта, будто грудь прошили толстой иглой и теперь тянут за нитку, сшивая все органы вместе.

Тело лихорадит, а в желудке словно булыжник.

– Мы уже заказали закуски, надеюсь, вы не против, – пре-

рывает деловой разговор мужчина напротив. – Давайте отвлечемся на ужин и обсудим все детали на сытый желудок, – он переходит на легкий шутливый тон, подзывая официанта. – Может, бутылочку вина? Или виски? – смотрит в глаза Тарелкину.

И тут пазлик начинает складываться. Им очень нужен этот договор. Гораздо больше, чем нам. Поэтому сейчас в ход идут классические приемы обольщения, как будто женщину пытаются довести до постели.

– Благодарю, я за рулем, – сухо отказывается Тарелкин, заглядывая в меню.

Он на такие приемчики не ведется, там, где эти двое учились, Юрий Константинович преподавал.

Возле нас снова материализуется парень в фирменно фартуке.

– Мне, пожалуйста, стейк на гриле и овощи, – делает классический заказ босс, возвращая меню официанту. – И двойной Эспрессо.

Парень кивает и переводит вопросительный взгляд на меня.

– Облепиховый чай, – отзеркаливаю жест шефа, отдавая меню официанту.

– Это все? – удивляется он.

– Все.

Слева раздается протяжный вздох. Из тех самых, передающих интонацию даже через звук выпускаемого воздуха.

Раздражение, оседающее горячим воздухом на моей шее.

Он слишком, слишком близко. Хочется встряхнуться.

Нутром чую, боссу есть, что мне сказать. Но на людях, конечно, он это делать не станет.

– Кстати, нам посоветовали именно это место, потому что у них весьма интересная коллекция вин. Я немного в этом разбираюсь... – занимает рассказом Тарелкина тот, что вел беседу до этого.

В это время его коллега наклоняется ближе ко мне и интересуется:

– Софья, а вы любите морепродукты?

– Я не голодна, спасибо, – все же расставляю все точки над «и». Еще один инициативный.

Девушка не в беде, девушку не надо откармливать. Что за странная мужская потребность «спасать»?

– Я ни в коем случае не настаиваю. Просто здесь удивительный аквариум с живыми морскими гадами, – тихо и почти убаюкивающе рассказывает он. – Может хотите на него взглянуть? Ради эстетического удовольствия, если не гастрономического.

Удивительно, но это предложение вызывает улыбку.

Такой странный тип. И говорит странно. Но забавно.

А поскольку второй собеседник прочно занял Тарелкина со своими рассуждениями о вине и устрицах, я решаю принять предложение. Ненавижу сидеть без дела, а пока мы доберемся до рабочих обсуждений, чую, лангустинов с Марок-

ко успеют доставить.

Не цедить же чай полтора часа?

– Укажете направление, где можно посмотреть на это чудо? – интересуюсь я.

– Даже проведу. Успел налюбоваться ими за последние дни, – мужчина поднимается с места, откладывая салфетку с колен в сторону. – Чувствую потребность провести экскурсию.

Он выходит из-за стола и нависает надо мной. Взгляды присутствующих обращаются на него, разговор о винах стихает.

– Ведите, – говорю я, отодвигая стул.

Мужчина галантно протягивает мне руку, я принимаю этот знак помощи, чтобы подняться.

– Я покажу Софье аквариум, – объясняет он своему коллеге. Тот будто бы удовлетворенно кивает в ответ. Интересно.

На Тарелкина я не смотрю, чтобы не потерять только-только расцветающее настроение.

Кажется, эти двое из ларца затеяли какую-то игру. Разделяй и властвуй, да?

– Простите, мне вас не представили, как я могу к вам обращаться? – беру инициативу в разговоре, едва мы отходим от стола.

– Вадим.

– Вадим, так вы здесь не первый день? Сколько встреч у

вас было за это время, если не секрет?

Не только они умеют играть в свои взрослые игры, из меня тоже неплохой разведчик.

– Столько, что всех карпов я здесь запомнил по именам, – широко улыбается Вадим, подводя меня к ряду аквариумов, расположенных в глубине ресторана.

Я не скрываю смешка.

Значит, мы не первая компания, с которой они ведут переговоры. Далекое не первая.

Интересно.

– Кстати, это Василий! – Вадим указывает на самого толстого представителя семейства карповых, мерно покачивающегося в воде.

– Интересное имя для рыбки, – хмыкаю я. – А главное – оригинальное.

– Софья, это я еще не представил вам раков, – мужчина машет на аквариум, стоящий сбоку.

Там на дне копошатся медлительные серо-зеленые ракообразные. Я делаю шаг в сторону и принимаюсь с любопытством осматривать местных жителей.

– Это мой любимчик – Гомер, – постукивая пальцем по стеклу, показывает мне самого суетливого, дергающего клешней рака.

– Это в честь древнегреческого поэта или Симпсонов? – дарю ему легкую усмешку.

– Чтобы лучше выглядеть в ваших глазах, остановимся на

отце «Илиады», – улыбается в ответ Вадим.

– Бессонница. Гомер. Тугие паруса. Я список кораблей прочел до середины... – приходят слова из-под корки.

Я начитываю их не из-за желания покрасоваться своей феноменальной памятью из школьного курса литературы, а просто к слову. В моей голове полного такого бардака, подсовывающего время от времени какие-то заученные некогда строки. И дальше я не вспомню, но все равно мне кажется это забавным. Прохожусь пальцем по стеклу аквариума, словно подзывая к себе живность. Надеюсь, персонал не побьет меня за отпечатки на отполированном стекле.

– Вы какая-то совершенно фантастическая для всего лишь секретаря, Софья, – двусмысленно выдает Вадим.

– Помощника руководителя, – поправляю я.

Интересный прием: обесценить и сделать комплимент одновременно. Курсы что ли они все проходят где-то? Или кино насмотрелись?

– Да, простите. Сложно поверить, что такая молодая девушка и уже помощник руководителя.

Ты уж определись, милый: слишком фантастическая для простого секретаря, или слишком молода для уже помощника?

Что не комплимент – все с подтекстом унижения.

Я улыбаюсь еще шире. Вадим, наверняка, принимает эту широкую улыбку на свой счет, но мне просто очень нравится этот квест. Он отвлекает от идиотской бури эмоций, пе-

ревернувших все внутри, и заставляет снова хладнокровно работать мой мозг. Помогает, конечно, и то, что мы с Юрием Константиновичем больше не тремса коленями под столом, а его рука самовольно не прожигает мои колготки.

Я кидаю взгляд на наш столик, отсюда видна только спина Тарелкина и частично лицо его собеседника, жадно жестикулирующего с бутылкой вина в руке. Не оставляет попыток спойть моего шефа?

До недавнего времени я думала, что это дохлый номер, но последний опыт заставляет понервничать.

Алкоголь меняет его до неузнаваемости.

В голове краткой вспышкой проносится воспоминание о горячем рте, жадно скользящем по моей шее и руке, мягко сжимающей горло, пока он сзади...

– Вы давно работаете на Юрия Константиновича, Софья?
– врывается в мою пошлую картинку мужчина рядом.

– Два года.

– Не малый срок. Говорят, шеф ваш не подарок, – флиртовольно засунув руки в карманы, спрашивает Вадим.

Вроде не навязчиво, но внимательно вглядываясь в мою реакцию.

Провокатор.

– Кто говорит? – наклоняю голову набок, вглядываясь в ответ.

Он не единственный, кто умеет читать по лицам.

– Те, кто знаком с ним не понаслышке, – грамотно уходит

от ответа, тут же переключаясь. – Наверное, у вас есть свой секрет успеха работы с таким человеком?

А вот и каверзные вопросы подошли.

– Наверное, – пожимаю плечами и снова перевожу взгляд на раков. – А как зовут вот этого? – тычу в членистоногого дружочка, пытающегося заползти на корягу.

Вадим тут не единственный мастер уходить от ответов. Спасибо, мама, за закалку.

– Барт.

– И все-таки Симпсоны, – смеюсь я.

– Видимо, да, – подхватывает мой смех Вадим.

Щеку жжет четким ощущением от острого взгляда. Кажется, мы привлекли внимание посетителей.

Я замолкаю, пряча улыбку, и осторожно перехожу к следующему аквариуму. Боже, только не говорите, что это тоже едят!

– А вот ежам я имена пока не придумал. Поможете мне с этим, Софья? – совсем близко останавливает следующий за мной по пятам Вадим.

– Возможно, – задумываюсь я. – Хотя, признаться, они не вызывают у меня такой же симпатии, как раки.

– Я тоже больше люблю раком, – звучит томно, практически у меня возле уха.

Вадим, как затаившийся хищник, бесшумно переместился мне за спину.

Мне же послышалось, да? Он не мог такое ляпнуть?

– Что, простите? – делаю шаг вправо, увеличивая дистанцию, и без единой доли смущения, на которое он, очевидно, рассчитывал своей провокацией, смотрю прямо в глаза.

– Я тоже больше люблю раков, – на голубом глазу перевирает он. – Мясо нежнее и сладкое.

Говорит будто непринужденно, но пошлый подтекст все равно проскальзывает. А он сильный игрок. Так легко жонглирует на чужих эмоциях. Но я все еще не понимаю зачем.

– И варят их живьем. Вам нравятся, когда кому-то причиняют боль, Вадим? – не могу удержаться от колкости.

Так хочется немного поумерить пыл этого самоуверенного засранца.

Но человек напротив кажется непробиваемым. И на мою подначку лишь снова смеется.

– Кажется, я начинаю понимать, почему вы работаете на Тарелкина, – звучит почти искренним комплиментом. – Поделитесь лайфхаком, Соня? Как найти подход к вашему боссу?

– Не надевать юбки с разрезом. Он этого терпеть не может, – сухо отвечаю я. – Я насмотрелась на живность, благодарю за экскурсию. Вернемся за столик?

Секрет раскрыт, их план прост до безобразия: разделить, очаровать, выведать информацию, заручиться поддержкой наивной секретарши, имеющей влияние на босса. Даже разочаровывает.

– Не нагуляли аппетит? – разворачиваясь вместе со мной

в сторону столика, интересуется неугомонный Вадим.

– Мой аппетит не зависит от прогулок.

Мы подходим к столику, за которым продолжается насыщенная беседа, Вадим снова отодвигает мне стул, чтобы я села, и только потом садится напротив. Джентльмен, не сдающийся до конца.

– Как рыбки? – задает странный вопрос партнер Вадима, многозначительно взглядываясь в лицо друга.

Невербально пытаюсь считать результат нашей «прогулки».

– Отлично, – снова расправляет на своих коленях салфетку мужчина. – Выяснили, что мы оба любим раком.

Он стреляет в меня взглядом, похабно расцветая в улыбке.

И как бы не пытался «сжевать» последнее слово, придавая ему двусмысленности, я четко осознаю, что в тот раз мне тоже не послышалось. Я не страдаю слуховыми галлюцинациями.

Прищуриваюсь, пытаюсь ментально перерезать горло шутнику напротив.

Он не понимает, что открыл ящик Пандоры.

Такие шутки Тарелкину не по нраву.

Я это знаю, а людям напротив это только предстоит ощутить на своей шкуре. У босса вообще с чувством юмора не очень, а пошлости он на дух не переносит.

Секс в собственном кабинете же за пошлость не считает-

ся?

Над столом сгущаются тучи, атмосфера резко перестает быть легкомысленно дружественной. Может от того, что Юрий Константинович подается вперед, двигая локтями тарелки и чашки по столешнице, а может от его фирменного взгляда орла, нацелившегося на чью-то печень.

– Не знал, что вы по члена...кхм... членистоногим, – вкрадчиво говорит босс. – Думаю, это может помешать нашему сотрудничеству, – стреляет взглядом в «болтуна» рядом. – Репутация. Понимаете, Константин?

Урыл и закопал.

Я пытаюсь сдерживать смешок, но только давлюсь им и нелепо маскирую покашливанием.

Да, у Тарелкина очень своё своеобразное чувство юмора. Не для всех. Но иногда он просто бог.

До такого уровня постановки мудака на место мне еще расти и расти.

– Нет, мы... кхм, – явно растерявшись, снова берет слово Константин. – Шутка явно зашла не туда, – искусственно смеется, хватаясь за бутылку вина на столе.

Заносит ее над своим почти опустошенным бокалом и над наполовину наполненным Тарелкина. О, нет. Он все-таки сдался.

– Ваш чай, – вовремя появляется официант.

Это немного разгоняет напряженность над нашей компашкой.

– Спасибо, – откидываюсь на стуле, давая возможность налить мне его из чайника в чашку.

– И салат, – тут же другой рукой передо мной ставится тарелка.

Многорукий Шива, а не официант.

– Эм, простите, я не заказывала, – аккуратно указываю на его оплошность.

Тот поднимает взгляд над моей головой, с явным вопросом в глазах.

– Я заказал. Ешь, – бескомпромиссно бросает деспот рядом, приступая к собственному стейку.

Ненавижу, когда так поступают. Ненавижу любое покушение на свободу моего выбора. А Тарелкин самый тиранистый из тиранов, встреченных мной в жизни. Ну вот какого хрена?

Но устраивать скандал или просто выговаривать недовольство в присутствии посторонних людей я себе позволить не могу. Что бы не вытворял Тарелкин под столом или на нем – мы в данный момент команда. И наш противник очень силен, хотя в счете пока ведем мы.

Вадим после шутки босса ниже пояса рот прикрыл и зубами не светит. Улыбочка как-то рассеялась, а инициатива поубавилась.

Не нравятся намеки на его нетрадиционные забавы. Записали и запомнили.

Я отпиваю горячий чай, хотя поглядываю на вино. Чай – это правильное решение, на работе пить нельзя. Теперь это

выбито у меня под кожей. Но напряжение от странного вечера скапливается между лопатками и от этого чувства очень тяжело избавиться. Наверное, нужно все же поесть.

Салат выглядит довольно привлекательно. Греческий. Он помнит. Надо же.

Берусь за вилку и все-таки позволяю своему организму получить долю полезных веществ. Будем откровенны, последние дни я травила его ядом: кофе, банановые чипсы и залежалые хлебцы с клюквой. До магазина сил дойти не было.

Константин, который, как я понимаю, главный в этой двойке спецов, продолжает ездить Тарелкину по ушам. С вин он переключается на компанию грузоперевозчика, с которой они сотрудничают на супер – по его словам – условиях, а потом снова говорят о каких-то отстраненных вещах, типа рыбалки в Финляндии. Юрий Константинович не спешит распивать вино, нагретое солнцем Италии, о котором ему захлеб вещают, подливая; так же, как и не спешит активно поддерживать разговор с целом. Этому Константину, я смотрю, собеседник не особо-то и нужен.

Я поглядываю на экран телефона, проверяя время. Боже, уже десятый час. Я сегодня хоть посплю?

Когда еда, наконец, иссякает, а на столе, усилием ниндзя-официанта, остаются только напитки, мы возвращаемся к обсуждению условий сотрудничества. Я включаю на телефоне диктофон, чтобы не упустить детали, потому что, от-

кровенно говоря, хочу уже спать. Помогаю сориентироваться в цифрах, когда этого просит Тарелкин, и фиксирую договоренности в заметках, чтобы не забыть составить протокол встречи по итогу.

Да, эти типы максимально мутные, но предложение Тарелкина явно заинтересовало. Иначе мы бы все это не размазали на три с половиной часа.

Конец встречи, делящаяся, казалось бы, бесконечность, наступает неожиданно. Черту подводит шеф, обрывая энтузиазм Константина с радужными, как задница единорога, перспективами, очень четким:

– Предложение требует более тщательного осмысления, сегодня я на него уже не готов. Предлагаю продолжить обсуждение после того, как вы посмотрите наш типовой договор.

– У нас есть свой вариант договора, может быть, мы отправим его вам? Софья, продиктуете ваш электронный адрес? – впервые за встречу ко мне напрямую обращается болтун. – Договорами же занимаетесь вы?

Я достаю из сумочки визитку и протягиваю её Константи-ну.

– Договор посмотрит мой юрист, – вклинивается Тарелкин.

– Что ж, отлично, – шустро закругляется собеседник. – Благодарю за встречу, было приятно познакомиться. Ужин, к слову, за наш счет, не беспокойтесь, – суетливо поднимает-

ся с места. – Мы поедem, завтра с утра у нас еще одна встреча, но я все же надеюсь на сотрудничество именно с вашей компанией.

Зуб даю, он говорит это каждому.

Или никаких встреч и вовсе не было и не будет, а они просто набивают себе цену и подталкивают нас к более скорому – и менее обдуманному – решению.

Следует традиционный обмен рукопожатиями, я тоже встаю и вежливо прощаюсь кивком головы. Вадим останавливается напротив меня.

– Софья, – берет меня за руку. Без спроса. Терпеть такое не могу. – Было приятно познакомиться, – подносит мою руку к лицу и... О, боги, только не непрошенный обмен слюной. Надеюсь, мне удастся изобразить на лице радушие. – Не забудьте попрощаться с Гомером, – улыбается во все тридцать два.

– Обязательно. И с Василием не забуду, – натянуто отвечаю я.

– До скорой встречи.

Два мутных субъекта нас покидают, давая, наконец, выдохнуть. Я и не знала, как была напряжена все это время.

– Говорил же, хреновая юбка, Софья, – шепчет мне на ухо Тарелкин.

Я и не знала, что мурашки могут собираться в таких местах.

Озноб прокатывается по коже стремительной волной – от

затылка до самых пальцев ног. Спinoй я чувствую жар мужского тела. Он не прикасается, но от его тела бьет такая энергетика, что кажется, я сейчас окажусь в его объятиях. И на какую-то долю секунды я очень этого хочу. Осознанно. Трезвым умом и здоровой памятью. Поддаться и утонуть в мужских руках, его запахе и горячем дыхании.

Сумасшествие.

И именно поэтому я делаю шаг в сторону, не позволяя себе раз мечтаться о том, что категорически неприемлемо. Я просто соскучилась по человеческому теплу. Как давно у меня был роман? Лет триста назад. С моим графиком и характером не каждый способен ужиться. А совсем недавно тело было разбужено от спячки и теперь требует продолжения банкета. Не понимает, что мы продолжаем поститься.

– Что не так с юбкой? – холодно интересуюсь я, отступая за противоположный край стола. Туда, где сидели наши собеседники.

Отодвигаю для себя массивный стул и присаживаюсь на место Вадима. Ноги какого-то черта дрожат.

Тарелкин тоже присаживается напротив. На место, которое занимала я. Откидывается на стуле, захватывает пальцами бокал с едва отпITYтым вином. Раскачивает его в бокале, задумчиво глядя по верх него на меня.

Ох уж этот его взгляд!

Ну как он делает это? Что поджилки вибрировать начинают?

– Что ты думаешь об этих товарищах? – игнорируя заданный мной вопрос, интересуется босс.

– Мутные, – емко описываю свои ощущения от встречи. Тоже хочется взять что-то в руки, чтобы занять их. Неуютно.

– Да, чувствую, что где-то наё... мутят, – останавливает себя от крепкого выражения шеф. – Но не понимаю где. Предложение более, чем интересное для нашей стороны.

Внимательно взглядываясь в мои глаза, делает глоток из бокала.

– А вино и правда ничего. Хочешь? – лениво растягивая слова, спрашивает.

Если честно – да. Очень. Чтобы унять уже этот озноб с позвонков.

Я киваю, продолжая смотреть Тарелкину в глаза. Там удивительная бездна, поглощает до безволия.

– Будьте добры, – жестом подзывает официанта. – Бокал для девушки. И... в каком виде вы подаете раков? – широко улыбаясь, кидает на меня озорной взгляд.

Сейчас он почти мальчишка. Запакованный в строгий костюм. Дикий контраст.

Я прыскаю от смеха. Хочет закрыть гештальт, да? Эти чертовы раки подпортили нам атмосферу за ужином и деловую встречу в целом. Надо на них отыграться.

Официант набирает в легкие побольше воздуха и начинает перечислять миллион вариантов приготовления раков в

разных соусах. Но думаю, шеф имел ввиду другое: их нужно будет расчленять самому или есть подача уже готового мяса? Думаю, ему бы хотелось расчленить.

– Софья? – переводит на меня вопрошающий взгляд босс.

– Что-то заинтересовало?

– Я не...

– Голодна? – изгибает бровь, смотря с усмешкой.

Я тоже улыбаюсь. Сидеть напротив не так странно, как рядом с ним. А после выматывающей встречи эмоции поутихли и кажется, будто мы откатились назад на пару недель. Когда все еще было предельно просто и сугубо по-деловому. Если бы не мурашки на ногах, притвориться было бы еще легче.

– Вино крепкое. Стоит выбрать закуску, – объясняет свое очередное неконтролируемое желание впихнуть в меня еду.

– Принесите снова меню, пожалуйста, – просит официанта.

– Не надо, – останавливаю его, когда тот с молчаливым кивком собирается снова ретироваться. – У вас есть тирамису? – парень снова кивает. – Мне, пожалуйста, тирамису. Спасибо.

Мальчишка бесшумно удаляется.

– Сладкое с алкоголем... – уже было начинает босс, как я предполагаю, излюбленную затяжную лекцию, но я останавливаю его.

– Я уже поела. А жирный десерт отлично нейтрализует алкоголь. Завтра же на работу, – наклоняю голову набок, в

ожидании нового спора. Он же не оставит мои реплики без своих пяти копеек?

Но поспорить сейчас не такая уж и плохая идея. Сбросить долбанное напряжение, застрявшее между ребрами.

– Тогда, пожалуй, следует заказать и мне, – очередной глоток вина и острый взгляд поверх бокала.

Случилось чудо. Босс не поучает свою глупую помощницу. Алкоголь определенно трансформирует его в другого человека.

– Так о чем вы беседовали с Вадимом? – непринужденно интересуется Тарелкин.

Ножка бокала приземляется на стол, издавая легкий стук. Складывает руки на груди, все так же не спуская с меня любопытных глаз.

– О рыбах. И вас.

– Интересно, – одна рука поднимается к лицу и пальцы задумчиво очерчивают подбородок.

Это странно, что этот жест вызывает прилив крови к желудку, переворачивая там все к чертям? Может, это просыпающееся чувство голода?

– Ничего интересного, пытался разузнать о вас через меня. Не слишком виртуозно, – постукиваю пальцами по столешнице, вглядываясь вглубь ресторана, в ожидании официанта с бокалом. Хотя чем пристальнее мы смотрим на чайник, тем медленнее он закипает, да?

– Смеялись вы весьма виртуозно, – припечатывает меня

босс.

Так вот, что за взгляд мы приковали к себе у аквариумов. Щеку жгло не напрасно.

И пока мы с Тарелкиным боремся взглядами, возвращается так долгожданный мной официант, ставит чистый бокал напротив меня, наполняет его из стоящей на столе бутылки. Я сразу же беру напиток на пробу.

Действительно, крепкое.

Делает в животе еще горячее.

– Вадим выспрашивал, как найти к вам подход. Они собирают о вас информацию, – снова переключаюсь на деловую линию разговора.

– Я это почувствовал, когда разговор пошел об Италии, – кивает шеф, снова отпивая из бокала. Вино стремительно подходит к концу и Тарелкин тянется за бутылкой, чтобы подлить себе еще. – У меня там родственники и я часто их навещаю. Интересно, от кого они узнали, – продолжает он тему.

Оу, вау. Даже я не обладаю такой информацией, проработав рядом с этим человеком столько лет и оформляя все билеты в отпуска и командировки.

– Ну точно не от меня, – фыркаю я. – За два года вы ни разу там не были.

– Да, Юля терпеть не могла Италию, – тихо комментирует Юрий Константинович.

Имя его бывшей жены повисает над нами дамокловым ме-

чом. Давно он о ней не вспоминал. Еще одна побочка от алкоголя? Сентиментальные воспоминания?

Мне приносят десерт, красиво украшенный сиротливой клубникой и листиком мяты, я сразу запускаю в него ложку, чтобы заполнить чем-то дурацкую тишину, наполненную фантомом Юлии Сергеевны.

– М-м-м, – не удается мне сдержать стопа удовольствия. Я даже прикрываю рот ладонью, настолько выходит неприлично громкий звук. – Это очень вкусно. Самый вкусный тирамису, что я пробовала, – зачем-то делюсь с начальником напротив.

– Вряд ли. Что в питерской забегаловке могут знать о настоящем итальянском десерте? – усмехается Тарелкин, наклоняясь над столом на сложенные перед собой руки.

Это он ресторан с пятью аквариумами называет забегаловкой?

– Правда вкусно! – вступаю с ним в спор. Это его черта во всем выставлять себя экспертом... иногда доводит до колик!

Я переворачиваю фигурную ложку в руках и протягиваю ее кончик Тарелкину.

– Попробуйте! – настаиваю так твердо, что тот даже не сопротивляется.

Перехватывает ложку, чувствительно задевая мои пальцы, и тут же погружает ее в десерт. Я прячу руки под стол, растирая покалывающие пальцы. Чертова электростанция, а не мужчина.

– Неплохо, – выносит он вердикт, запуская тут же вторую ложку. – Но тебе просто не с чем сравнивать, – приподнимает уголок губ в усмешке.

– Конечно, не с чем, – фыркаю я. – Вы платите мне недостаточно для поездок в Италию! В моем загранпаспорте красуется единственный штамп из замшелого Египта. А я даже до кораллового рифа не дошла, все шесть дней пролежала камнем у бассейна, отходя от года работы с вами.

Как же хорошо выговориться, боже.

Но шефа мои претензии не особо впечатляют, он все так же сидит с усмешкой на красивых губах и жрет мой десерт!

– А ты замечала, Софья, что сколько бы я тебе не платил, тебе всегда мало? – откровенно смеется.

– Я всегда хочу большего, – пожимаю плечами и тянусь за своей ложкой.

Тарелкин без разговоров возвращает мне ее.

– Это отличная черта.

Я продолжаю попивать вино, заедая тирамису. Ложка гуляет между нами с Тарелкины, который так и не заказал себе свою порцию. Но это кажется вроде как естественным, делить что-то пополам.

Вино подходит к концу, в голове окончательно легчает, а в теле тяжелеет. Пора домой.

– Сколько сейчас времени? – тянусь за телефоном, оставленным на противоположном краю стола.

Тарелкин делает ровно тоже самое, но на долю секунды

позже. Его ладонь накрывает мою, на экране спящего телефона.

– Это мой телефон, – приглушенно говорит он, не сводя взгляд с наших рук. И не убирая свою.

Я ловлю убежавшее куда-то в виски сердцебиение. И дышу: с трудом вталкивая воздух в сжавшиеся легкие.

Надо убрать руку, посмотреть время и ехать уже домой. Но я не могу. Рука захвачена в плен теплом мужской ладони, его пальцами, очерчивающими мою чернильную ветку на запястье. Жар топит низ живота, вызывая ужасно неуместное возбуждение.

Такой силы, что во рту пересыхает.

– Можно вызвать водителя, – прокатываясь большим пальцем по моей ладони, хрипло до дрожи по коже рассуждает босс. – Но пока он доедет... И время до города... Спать останется совсем мало, – поднимает, наконец, на меня глаза.

Я глотаю острый ком, застрявший посреди горла, и с предвкушением вглядываюсь в его почерневший взгляд. Бездна. Она уже забрала меня.

– Или можем остаться здесь, – пленяющим шепотом предлагает он. – Здесь всегда есть свободные номера.

Номера.

Или номер?

Почему же так грохочет пульс? И слабость. Накатывает такая слабость: в ногах, плечах, голове. Она такая всепоглощающая, что я не в состоянии ворочать языком. Только ки-

вать.

И я киваю.

Гл

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.